

Паскаль

Серия

ИСТОРИЯ
ЛЮБВИ
В ИСТОРИИ

Лене

*Блеск и нищета
Жанны Дюбарри*

Паскаль Лене
Блеск и нищета
Жанны Дюбарри
Серия «История любви в истории»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39503001

Блеск и нищета Жанны Дюбарри / Лене, Паскаль, Пер. с фр. В. В.

Егорова: Этерна; Москва; 2013

ISBN 978-5-480-00266-9

Аннотация

н, что за персонаж эта Жанна Дюбарри! И как интересен роман о ее жизни! Приобщившаяся с подросткового возраста к галантной жизни, прославившаяся своей безупречной красотой и отзывчивостью плоти, эта чаровница оказалась последней любовницей Людовика XV. Она любила короля столь сильно, что из «королевы постели» стала, как тогда ее называли, «почти королевой». Но это было только началом ее истории!

Чтобы описать эту великолепную, фривольную и очень чувственную женщину, непостоянную, но страстную, корыстную, но способную на самую необыкновенную щедрость, двусмысленную и противоречивую, Паскаль Лене написал один из самых оригинальных исторических романов, когда-либо доселе написанных.

Содержание

Введение	5
Предупреждение	12
I	14
II	29
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Паскаль Лене
Блеск и нищета
Жанны Дюбарри

Pascal Lainé. La Presque Reine

Ouvrage publié avec l'aide du Ministère français chargé de la Culture – Centre national du livre

Издание осуществлено с помощью Министерства культуры Франции (Национального центра книги)

В оформлении использован фрагмент работы Элизабет Виже-Лебрен «Мадам Дюбарри», 1781

Введение

Каким видели мир вокруг себя те люди, о которых здесь пойдет речь? Какое воздействие оказывала на их настроение, например, смена времен года? Хуже или лучше нас переносили они летний зной? Или холод? Что они чувствовали? Переносили ли они лучше нас физическую боль, как это утверждают некоторые?

Когда с высоты своей кафедры епископ Бове¹ – монсеньор де Сенез, клеймил перед собравшимся двором распущенность нравов монарха, приходилось ли ему повышать голос только для того, чтобы напомнить о гневном Господнем, или для того, чтобы перекрыть покашливания и приступы кашля, которые обычно нападали на верующих?

Представления о здоровье или болезни, о комфорте, чистоте, голоде или пресыщенности очень отличались от тех, что мы имеем спустя два столетия. Наши короли были страстными охотниками: сможем ли мы без отвращения есть

¹ К этим замечкам – равно как и к тем, что даны в приложениях в конце книги, – можно относиться с полным доверием: то небольшое, что касается воображения автора, четко им оговорено или заключено в кавычки, чтобы обозначить «недостаточно известно». Аббат Бове, ставший позднее епископом де Сенезом, прославился тем, что в своих проповедях открыто осуждал разгульную жизнь монарха. В проповеди на Святой четверг 7 апреля 1774 года, он вроде бы объявил о близкой кончине короля, что и случилось на самом деле спустя два месяца.

дичь, оставленную разлагаться, чтобы мясо само отделялось от костей? И какого вкуса было тогдашнее вино? Смогли бы мы выпить его, не удивив и, возможно, не оскорбив нашу глотку? Мадам Дюбарри осталась знаменита благодаря своим ваннам и вытяжкам из растений, которыми она душилась. Но как же пах Король, когда он возвращался с охоты?

Мы знаем, насколько предстоящий нашему взору пейзаж обязан своим видом людям, их труду и образу жизни. Все, что нас окружает, – бесспорно, «исторически свершившийся факт». Его становление соизмеримо с вкладом каждого индивида и целой цивилизации.

Современники Людовика XV, несомненно, говорили теми же словами, что и мы, но описывали ими мир, отличный от нашего. Они дышали буквально другим воздухом, чем мы. Их «естественные» привычки, их самые безобидные поступки вписывались в совершенно другое мироздание.

Образ мыслей и способ ощущения не могут быть отделены друг от друга и, с точки зрения историка, этнографа, философа, образуют единство, наш образ жизни, наше понимание «принадлежности к миру» в самом глубоком и одновременно синтетическом смысле этого слова. Однако, как мы уже сказали, французский язык за два века почти что не изменился, в отличие от мнения посредственных авторов «исторических» романов, столь упорно стремящихся перенести нас в прошлое при помощи натянутых архаизмов, смелых оборотов речи, колких фраз, довольно странных прила-

гательных... Получив широкое распространение, письменность определила намного жестче, чем ранее, словарный запас и грамматику. Писатель, нотариус, полицейский или какое-нибудь частное лицо теперь не будут излагать свои мысли так, как это делали Вольтер, Дидро или какой-нибудь неизвестный памфлетист XVIII века: нам дороги другие слои нашей истории, мы используем другие способы изложения мысли, представляем исторические персонажи в другом свете, находим другие побудительные причины их поступков...

Мы возвращаемся именно в XVIII век, к нашим героям, которые кажутся нам хорошо известными, поскольку оставили после себя большое количество документов. И все же у меня возникает много вопросов, на которые я не могу ответить сразу же. Моя неуверенность касается их повседневной жизни, что наиболее конкретно, наиболее незаметно и – как может показаться с первого взгляда – наиболее просто. Писатель (будь он романистом или историком) может конечно же прибегать к пропускам, умолчаниям, выбрасывая из своего повествования те действия или предметы, в описании которых он не уверен. Зато кинорежиссер при съемках фильма вынужден подробно показывать материальное окружение своих персонажей, а также их поведение, недуманные естественные «поступки». Эта необходимость ничуть не смущает наших постановщиков, они дают волю своему воображению, что иногда приводит к двусмысленностям. Я не имею в виду ни тех «голливудских толкователей» на-

шего прошлого, у коих пренебрежение истиной граничит с душевной простотой, ни те непретенциозные развлекательные фильмы Юнбеля² или Кристиан-Жака³. Просто вспомнилась одна совершенно глупая сцена из некоего амбициозного и, по утверждению авторов, документально подкрепленного фильма, где изображались нравы времен Регентства: дело было в Версале, все вокруг было шикарно и со вкусом подобрано. Но в середине разговора один важный персонаж вдруг почувствовал настоятельную потребность опорожнить свой мочевой пузырь. Этот герой знаком подозвал к себе лакея с ведром воды и, даже не прерывая разговора и не отвернувшись от собеседника, помочился, смею так выразиться, на всех зрителей. Ладно, проехали.

Мало того что нравы благовоспитанности и стыдливости XVIII века были превратно истолкованы или, по крайней мере, искажены этим особенно вульгарным эффектом «огрубления». Но я упрекаю авторов фильма еще и в том, что они попытались навязать нам этот «экзотичный» аспект придворной жизни по незнанию, что, как они полагали, могло вызвать восхищение зрителей. Именно так толковали историю Бувар и Пекюше⁴, а не исследователи Школы «Анна-

² Юнбель, Андре – французский кинорежиссер в жанре кино «плаща и шпаги». – *Здесь и далее прим. ред.*

³ Кристиан-Жак (наст. имя Кристиан Моде) (1904–1994) – французский кинорежиссер. Фильмы: «Пармская обитель» (1948), «Фанфан-тюльпан» (1952) и др.

⁴ Герои романа (1881) Г. Флобера, в котором он намеревался запечатлеть все накопленные знания о человечестве и показать его глупость.

лов»⁵. Но ладно, еще раз проехали.

Вернемся лучше к вопросу: имеет ли право автор «исторических» романов более, чем подлинный историк, описывать, показывать характер какого-нибудь индивида? По причинам, о которых я только что упомянул, мне думается, что задача романиста здесь более проблематична, чем задача историка: тот может ограничиться намеком, неким толкованием в силу своего понимания поступков и слов тех или иных исторических персонажей, оценить их роль в излагаемых событиях. Ему нет нужды подробно останавливаться на этих персонажах, показывать читателю подробности их жизни, описывать их действия. Короче говоря, историк не обязан создавать иллюзию их реального присутствия. Конечно, он высказывает предположения, «воссоздает» ситуацию в широком смысле слова. Но от него никто не ждет воскрешения Лазаря. А именно это и обязан делать романист: его просто вынуждают идти на подтасовки! Нагло лгать! Реанимировать эти восковые фигуры! Обманывать своих современников! Приносить простую истину, часто весьма скучную, в жертву «иллюзии правдивости», чтобы сделать изложение более увлекательным!

В этой книге я взял себе за правило не отходить от фактов и слов, которые были ясно выражены или которые невоз-

⁵ Историческое направление, основанное Люсьеном Февром и Марком Блоком. Оказало значительное влияние на формирование всей мировой историографии XX века.

можно опровергнуть. Поэтому, несмотря на огромные и искренние усилия, получается так, что «моя» Жанна Дюбарри, «мой» король Людовик XV и все, кто их окружают, выходят из-под моего пера героями романа, надуманными персонажами. Причина этого превращения и неизбежного обмана – несомненно, та пропасть, образовавшаяся с течением времени между этими людьми и нами. Стоит только начать изучать то время, о коем ни один из живущих ныне людей не может дать прямого свидетельства, как ты попадаешь в открытое море исторического прошлого.

За писателем захлопывается дверь: если он историк, ему нужно убедить самого себя и не забывать, что его повествование, пусть и основанное на самых достоверных документах, – всего лишь его личное видение абсолютно другого мира, по большей части нам недоступного. Если же он романист, ему придется вскоре воссоздавать своих героев – считающихся «подлинными» по документам, – чтобы сделать их персонажами своего романа: они будут иметь некую автономию, отойдут от документальных фактов и довольно скудных свидетельств их современников только потому, что станут частью выдуманного, нереального. Это отклонение от реальных фактов представляется неизбежным, каким бы ни было количество объективных ссылок на «историческую правду». Поэтому исторический роман наполнен ложью, но эта «ложь» в максимально возможной степени открывает нам истину. Исторический роман полностью осно-

ван на иллюзии реальности. Это двухмерное изображение, в котором ощущение глубины, а следовательно, впечатление реального присутствия героев, достигнуто чисто искусственным способом.

Поэтому соблюдение документально установленных историками фактов или отход от них в пользу выдумки зависят исключительно от сдержанности автора: он, в частности, может перемешивать свой текст с документами, на которые ссылается⁶. Изложение ведется как можно ближе к установленным историками фактам, но автор украшает, расцвечивает его, принаряжает в угоду своему читателю...

⁶ В конце книги дается краткая библиография, список подлинных документов, которые вошли в эту книгу.

Предупреждение

Тексты в этой книге после установления их подлинности приведены в оригинальной орфографии, иногда ошибочной в том, что касается имен собственных. Мы решили придерживаться их, поскольку это свидетельство эпохи, когда орфография, пунктуация и типографические правила были менее строгими, чем нынешние.

Мы последовали этому же правилу и в отношении использования заглавных букв в словах Король, Дофин, Министр и т. д. Тут также существуют многочисленные неточности, часто у одного и того же автора, на одной странице, на расстоянии всего в несколько строк присутствует разное написание.

Руководствуясь тем же правилом, мы оставили грубость стиля выражений Шуазеля⁷, удивительные промахи, являющиеся скорее следствием спешки или умысла, нежели незнания грамматики.

Мы оставили в оригинальном состоянии письма императрицы Марии Терезии⁸ (Вы есть его первая поданная и т. д.),

⁷ Шуазель, Этьен Франсуа (1719–1780) – выдающийся французский государственный деятель. Благодаря маркизе де Помпадур, стал министром иностранных дел и пэром Франции.

⁸ Мария Терезия (1710–1780) – эрцгерцогиня Австрии, королева Венгрии, королева Богемии, императрица Священной Римской империи. Основательница

чье прекрасное знание языка заслуживает того, чтобы простить ей встречающиеся кое-где грешки солецизма.

Лотарингской ветви династии Габсбургов. Царствование Марии Терезии – время активных реформ. Имела большую популярность.

I

Все восхваляли ее ангельское личико, то любезное и скромное выражение, которое вступало в противоречие с гордыней, выраженной ее великолепным телом. Ее плоть была предрасположена к потворству, и Жанна прославилась количеством любовников. Она выбирала их ради удовольствия, исходя из пышности их экипажей. Ради обладания ею слуга и господин иногда становились соперниками, но и тот и другой непременно получали награду. Но Жанна вошла в историю тем, что с 1768 по 1774 год была последней любовницей короля Людовика XV.

Она была умна, остроумна, а главное – лишена всякой злобы. Если к этим качества добавить сладострастную красоту и мириады любовников, о которых мы упомянули выше, перед вашими глазами окажутся все составляющие скандала.

Те, кто по-настоящему знал Жанну Дюбарри, беспредельно ее любили. Остальные, намного более многочисленные, обливали ее грязью собственной низости.

Я решил написать роман о Жанне, а не ее биографию. Хотя персонажи и события, описанные или упомянутые, подлинны, их освещение и принятый мною тон повествования не всегда можно назвать объективными. Они показывают нежность, которую я испытываю к своей героине, и мое же-

ление реабилитировать Жанну в сравнении с ее «исторической» соперницей мадам де Помпадур.

Король Людовик XV испустил последний вздох 10 мая 1774 года. Став королевой, Мария Антуанетта только и ждала утра следующего дня, чтобы отдать приказ заточить в монастырь ту, что так долго затмевала ее своей красотой, свободой нравов и расположением монарха.

В тридцать один год Жанна была похоронена заживо. Но в этой гробнице она провела всего год, а жизнерадостный характер помог ей вынести все лишения.

Это событие стало поворотной точкой в жизни Жанны, полностью изменило ее привычки, в частности любовную жизнь. Редко случается, чтобы столь жестокое и несправедливое наказание приводило к столь отличному от ожидавшегося результату. Из монастыря Жанна вышла очищенной и возрожденной.

Бывшая куртизанка, раба всех и каждого, раба прежде всего своей чувственности, перестала подчиняться капризам своей плоти и позывам сердца. Бывшая распутница стала любящей женщиной и безупречной подругой. Эпоха сменила тон: теперь Греза⁹ предпочитают Буше¹⁰, порывы сердца зову плоти. Жанна также сменила регистр.

Я решил показать вам важный момент ее жизни, начать

⁹ Грез, Жан-Батист (1725–1805) – французский живописец, жанрист.

¹⁰ Буше, Франсуа (1703–1770) – французский живописец, гравер, декоратор. Яркий представитель художественный культуры рококо.

повествование с рассказа об этом значимом повороте, до и после которого наша героиня вела два разных и совершенно отличных друг от друга образа жизни.

Я предлагаю вам сразу же оказаться в келье монастыря, где Жанна сможет открыть нам свои сокровенные мысли и показать характер. И тогда мы сможем увидеть бесчисленные интриги, к которым мы, естественно, не имеем никакого отношения. Кроме того, мы встретим много персонажей и с ними вскоре познакомимся.

Итак, вы, как говорится, «окунулись в эту ванну», а вода вам кажется холодной? Тогда – вперед! Жанна обладает привлекательностью, которая вскоре заставит вас позабыть об этом неудобстве. Отдайтесь же ее очарованию, а если этого еще не достаточно, дайте волю своему воображению относительно ее прелестей. Очень скоро вам захочется верить в то, что давно уже с ней знакомы. Я тут вовсе ни при чем, разве что самую малость. Я всего лишь человек, у которого есть связка ключей и который может открывать все двери: дверь салона, где проходит большой Королевский Совет, а также и других комнат...

27 мая 1774 года

(от Жанны, графини Дюбарри, ее библиотекаря)

Дорогой мой Дефонтен,

Скажите моей матери¹¹ все, что ваше воображение подскажет для того, чтобы ее успокоить. Мое нынешнее состояние слишком несчастно, чтобы говорить о нем правду.

Не беспокойтесь по поводу книг из моей библиотеки. Они впитали в себя людскую мудрость и имеют дар выдерживать заточение за стеклом или решеткой. Они не «пострадают», если предоставить их своей участи. Подумали ли вы о том, что я сама заперта в камеру, самая большая сторона которой не превышает десяти футов?

Пятьдесят женщин живут в этом монастыре, представляющем собой убогие готические руины, где в качестве епитимьи и летом приходится дрожать от холода и раскаиваться в том, что появился на свет. Когда королевские лучники разбудили меня, чтобы бросить в эту святую тюрьму, мои пятьдесят тюремщиц решили, что перед ними предстал дьявол в ночной рубашке и кружевном ночном колпаке. Ради спокойствия их души высокочтимая, благороднейшая и высокоуважаемая мать-аббатиса Габриэль де Ларош-Фонтениль запретила им со мной разговаривать.

¹¹ Бекю, Анна (1713–1788) – была известна своей красотой. По мнению одних, она была швеей, по мнению других – кухаркой. Она работала в монастыре в Вокулер, где зачала и произвела на свет Жанну. Отцом ее был, несомненно, брат Гомар де Вобернье, принявший имя брат Ангел. Жанна носила фамилию Вобернье по записям в церковных книгах, а в своей галантной жизни называлась Ланж. Всю жизнь Жанну связывали с матерью чувства любви, несмотря на все повороты судьбы.

Маленькая Рыжуха¹² не смогла забыть обид, и, как водится, ее поступки оказались недостойными не только звания королевы, но и эрцгерцогини. Меня обвиняют в том, что я вышла из грязи? Но я, по крайней мере, все-таки из нее вылезла.

Я здесь не просто заключенная: ваше письмо от 20 мая было первой весточкой, которую я получила с тех пор, как меня заточили в этом склепе. Не знаю, дойдет ли до вас мой ответ или же святейшие сестры, держащие меня, втайне решат сжечь его ради спасения моей души.

Да какое мне дело до их ужасного отношения! Я продолжаю верить в доброту Всемогущего, пусть даже от его имени и вершится самое страшное беззаконие.

Прощайте, мой добрый Дефонтен. Пишите мне, коль скоро вам это разрешено. Докажите мне, что меня еще любит хотя бы одно человеческое существо, поскольку здесь молчание настолько глубоко, а мое одиночество настолько бесконечно, что по прошествии недели мне уже начинает казаться, что я всю жизнь провела в этом склепе.

25 июня 1774 года

(от Жанны, графини Дюбарри, ее библиотекаря)

Дорогой мой Дефонтен,

¹² Этим очень неуважительным именем некоторые придворные, включая Жанну, называли дофину Марию Антуанетту, ставшую королевой в мае 1774 года.

Благодарю вас за заботу и внимание, которые вы мне оказываете в столь трудных обстоятельствах. В судьбе моей я видела только блеск, не желая при этом замечать, что эта праздничная иллюминация слепила глаза и ранила самолюбие людей: многие черпали из этого выгоду, но между Трианоном¹³ и Марли¹⁴ невозможно оказать кому-то услугу, не рискуя нажать себе смертельных врагов. Облагодетельствованные мною люди сильно злоупотребляли моей поддержкой, в том числе по отношению к тем, кто мне дороже всех. Мой бедный невинный Адольф¹⁵, чье единственное преступление состоит в том, что он носит ныне обесславленное имя, тоже был изгнан от Двора. Подавая Королю прошение об отставке, герцог д'Эгильон¹⁶ лишь предупредил месть маленькой Рыжухи: Мопо¹⁷ и Терре¹⁸, тоже не пришлись ко двору и

¹³ Небольшой дворец, расположенный на земле Версальского дворца. Был построен по приказу Людовика XV для своей фаворитки маркизы де Помпадур.

¹⁴ Резиденция французских королей близ Парижв.

¹⁵ Дюбарри, Адольф (1749–1778) – сын Жана Дюбарри. Он был на шесть лет моложе Жанны, любезен и красив лицом и тайно питал нежные чувства к Жанне, которая не оставалась безучастной к столь простому и бескорыстному обожанию. Адольф пострадал от дурной репутации клана Дюбарри. На нем сказалась опала Жанны: в 1774 году он был прогнан от двора, путешествовал, вел жизнь авантюриста и был убит на дуэли в Англии 18 ноября 1778 года.

¹⁶ Д'Эгильон (Эмманюэль Арман де Виньро Дюплесси де Ришелье) (1720–1788) – внучатый правнук кардинала де Ришелье и кузен герцога де Ришелье. Маршал, герцог и пэр, в 1753 году был назначен главнокомандующим в Бретани. Прославился в ходе Семилетней войны, сорвав попытку высадки англичан в Сент-Каст 11 сентября 1758 года {см. также приложение 1, с. 000}.

¹⁷ Мопо, Рене Николя (1714–1792) – первый президент парижского парламен-

были уволены, словно простые слуги.

Спасибо за свежие новости о моей матери, поскольку ее письма не могут преодолеть толстые стены набожности, за которыми здешние дамы скрываются от мира.

Вчера меня посетил известный вам г-н де Монвайе¹⁹. Мне пришлось присоединить рыдания Ифигении к красноречию Демосфена, чтобы добиться смягчения режима секретности, в котором я пребываю вот уже шесть недель. Мне удалось выпросить всего час для урегулирования своих дел, которые несутся, словно повозка без кучера, и могут вскоре опрокинуться. Мои тюремщицы ненавидят меня, как гетеру, но, несомненно, уважают золото и драгоценности Фрины²⁰. Я

та, затем канцлер Франции. В 1769 году добился назначения аббата Терре генеральным инспектором финансов. В 1770 году сорвал планы Шуазеля возобновить войну против Англии, за что попал в немилость последнего. Положил конец фрондированию парламентов и отменил незаконные налоговые сборы (см. приложение 1, с. 356). В июне 1771 года стал министром иностранных дел в правительстве д'Эгильона. «Триумvirат» из Мопо, Терре и д'Эгильона руководил страной до смерти короля в 1774 году. Труды его жизни были разрушены Людовиком XVI, вновь созвавшим старые парламенты и восстановившим дворянство в его прежних правах.

¹⁸ Терре, Жозеф Мари (1715–1778) – генеральный инспектор финансов с декабря 1769-го по август 1774 года. Для того чтобы восполнить огромный дефицит казны, отменил отсрочки выплаты по долгам, поднял налоги с королевских откупщиков, чтобы покончить со спекуляцией, запретил экспорт зерновых, а также торговлю ими внутри страны. Эти меры сделали его крайне непопулярным. В августе 1774 года Людовик XVI заменил его на Тюрго, друга физиократов и сторонников свободной продажи зерна.

¹⁹ Интендант мадам Дюбарри.

²⁰ ³ Фрина (ок. 390 до н. э. – ок. 330 до н. э.) – знаменитая афинская гетера,

поручила Бемеру²¹ провести переговоры с Обером²² о продаже нескольких бриллиантовых украшений. Возможно, это умерит пыл моих кредиторов, толпа которых с каждым днем становится все больше. В голых стенах моей камеры жизнь моя течет, как у Диогена²³. Зато моя опала шикарна, а связанные с ней расходы достойны, по крайней мере, Великого Могола.

Злобное благочестие аббатисы и столь далекая от сострадательности холодность ее овечек в черной сутане ничуть не отвратили меня от религии. Этих женщин надо жалеть больше, чем меня, а их жестокость вынуждает меня искать утешение в молитвах: именно в Боге я нахожу некое наслаждение, которого меня хотят здесь лишить. Кто-то скажет, что молитвы напрасны и пусты, что в моих словах раскаяния нет искренности, что я способна только получать низкие удовольствия и оскорбляю Бога, обращаясь к Нему. Но никто ничего не скажет, потому что я делаю это так, чтобы никто меня за этим занятием не видел и не слышал. Душа сама покорно преклоняется и находит успокоение.

натурщица Праксителя и Апеллеса.

²¹ Знаменитый ювелир. Поставщик украшений для графини. Он остался в памяти благодаря делу с колье королевы: именно он вел переговоры по этой драгоценности совместно с собратом по профессии Босанжем.

²² Один из ювелиров мадам Дюбарри.

²³ ⁴ Диоген Синопский (ок. 412 до и. э. – 323 до и. э.) – древнегреческий философ, основатель школы киников. Проповедовал аскетическую добродетель, находя в ней единственную цель человека.

Прощайте, любезный мой Дефонтен. Передайте мой привет Монтеню²⁴, Плутарху²⁵, Сенеке²⁶, а также очаровательному Овидию²⁷, кокетливому Баффо²⁸ и моему другу Аретину²⁹. И пусть пыль, которая начинает их покрывать, станет залогом их верности мне.

16 июля 1774 года

(от Жанны, графини Дюбарри, ее библиотекаря)

Дорогой Дефонтен,

Вчера я получила письмо от матери и другое от г-на д'Эгильона. Таким образом, вы теперь уже не единственная моя поддержка. Но не думайте, что я пренебрегаю столь драгоценной дружбой, проявленной ко мне на протяжении двух месяцев. Оставайтесь моим доверенным лицом. Будьте им более чем когда-либо. Оставайтесь им, если фортуна вновь

²⁴ Монтень, Мишель Эйкем де (1533–1592) – французский писатель и философ эпохи Возрождения, автор книги «Опыты».

²⁵ Плутарх (ок. 45 – ок. 127) – древнегреческий философ, ботаник, моралист.

²⁶ Сенека, Луций Анней – римский философ-стоик, поэт и государственный деятель, воспитатель Нерона.

²⁷ Овидий, Публий Назон (43 до и. э. – 17 или 18 и. э.) – древнеримский поэт, прославился любовными элегиями и поэмами «Метаморфозы» и «Искусство любви».

²⁸ Баффо, Джорджио (1694–1768) – венецианский поэт, автор легкомысленных и непристойных стихов.

²⁹ Аретино, Пьетро (1492–1556) – итальянский писатель позднего Ренессанса, сатирик, публицист, драматург.

улыбнется мне. Станьте в глубине вашего сердца, как и моего, простым другом, которого у меня, к сожалению, не было раньше, когда отблеск славы заставлял меня надеяться на более мрачное и более близкое отношение к природе.

Теперь старая Ларош-Фонтениль оказывает мне свою милость, снисходя до фамильярного со мною общения. Морщинистая корка, служащая ей лицом, при улыбке открывает желтые или коричневые цветы, которые лучше не собирать, а дать хирургу возможность вырвать с корнем. По ее примеру несколько других сестер начали подходить к белокурому демону под липами парка. Я делаю им небольшие подарки, чтобы скрепить наше перемирие. Разные безделушки, кружевные платки – слишком яркие признаки моей былой фривольности. Но святые сопли этих овечек очистят их.

Здоровье мое превосходно, поскольку я только и делаю, что сплю, ем и молюсь или молюсь, ем и сплю: это настолько мирные занятия, что случается их путать. Моя полнота вскоре заставит поверить, что чудо непорочного зачатия снова свершилось в отношении Марии Магдалины.

Я много раз меняла образ жизни за тридцать лет, была чтицей, гризеткой, графиней, а в течение семи лет – почти королевой. Я перечислила только самые достойные из моих занятий. Сегодня я оказалась в состоянии святой или почти святой, поскольку судьба никогда не была абсолютно такой, какой была я.

Забудьте жалобы и грустные мысли, омрачавшие мои по-

следние письма. Страна, где я теперь живу, не лишена некоторой привлекательности. Конечно, ее красоты не заметны с первого взгляда, и все же, при некотором внимательном рассмотрении, можно увидеть, что поле созревшего хлеба покрыто золотом более чистым и блестящим, чем позолота лепнины Версаля.

Вас удивляют мои последние слова? Или же вы думали, что я создана из муки, из которой выпекают то грубый хлеб, то кондитерские изделия, а потом снова крестьянские караваи. Я всегда подчинялась повелениям судьбы, и она почти всегда вознаграждала за покорность. У меня нет другого правила жизни. Моя философия ленива и нежна. Мужчины, которые меня любили, пользовались слабостью моей души, от природы еще более сладострастной, чем плоть.

Та, которую когда-то звали новой Мессалиной³⁰, современной Лаис³¹, сегодня забавляется тем, что является «ничем». Я благодарю Создателя за то, что он вылепил меня из такой мягкой глины, что простое прикосновение оставляет отпечаток Его вечной доброты. Именно это позволяет мне довольствоваться видимостью, как в те времена, когда я воспитывалась у дам Сент-Ор³².

³⁰ Мессалина Валерия (ок. 17/20—48) – третья жена римского императора Клавдия, известная своим распутным характером.

³¹ Имя нескольких греческих гетер.

³² Монастырь Сент-Ор, улица Нев-Сент-Женевьев, пригород Сент-Марсель. «Приют для всех молодых особ, рожденных в честных семьях и находящихся в обстоятельствах, в которых они рискуют потерять себя». Жанна находилась там

Ладно! Я неисправима, и это – свидетельство ужасного беспорядка, причиной которого являюсь я сама. По правде говоря, стены монастыря удерживают мое тело, но зато возбуждают мой разум.

На этом писать заканчиваю из опасения испугать вас фатальным порывом благочестия...

После двух недель агонии оспа унесла Короля во второй половине дня 10 мая 1774 года. Как только стало известно о его болезни, Двор пришел в крайнее возбуждение. Смерть монарха означала важные политические перемены... и влекла за собой безжалостное сведение счетов.

Поскольку исход болезни оставался неясным, каждый задерживал дыхание, усмирал свое честолюбие, старался как можно лучше спрятать страх. Страсти, обиды, ненависть все еще скрывались под маской любезности. Но Король был уже призраком или, скорее, самым опасным из тиранов: кто правит молча, внушает намного большее беспокойство, тем более что он ничего не приказывает и ничего не запрещает. Он заставляет дрожать своих верных подданных, мешая плести интриги, делает непрочными союзы, бесполезными предательства. Он теперь занят лишь самим собой и замаливанием своих грехов. Многие жители «этой страны»³³

с пятилетнего возраста до четырнадцати лет. Там она получила, судя по всему, прекрасное воспитание и, если судить «читая ее», более чем рудиментарные навыки письма.

³³ Так двор сам себя называл.

опасались финального раскаяния. Какое последнее и опасное решение сможет внушить исповедник умирающему? Поскольку именно этот человек в черном и пурпуре на несколько часов становится подлинным владыкой страны. Именно в его руки Принц отдает свою волю, думая, что этим ловким ходом вручает свою душу Господу.

Шесть тысяч рабов в шелках и кружевах работают локтями и плечами в толчее, каждый опасается совершить оплошность, оказаться не в курсе последних слухов, не узнать вовремя имя будущего министра. Будет ли снова в фаворе Шуазель, как утверждают в окружении Дофины? И какой будет судьба так называемой Королевы постели?

Узнав 4 мая, что участь его предрешена, Король обратился к Жанне Дюбарри со словами, которые, несмотря на нежность тона, означали отставку навсегда: «Теперь, когда знаю свое состояние... я принадлежу отныне Богу и моему народу. Посему завтра вы должны удалиться...»

Ужасный эвфемизм: «Вы должны удалиться». Красота выражения достойна монарха, пусть и умирающего. Жестокость заключенного в ней будущего соответствует нравам Двора.

5 мая Жанна Дюбарри уезжает в замок Рюзэ, принадлежащий герцогу д'Эгильону. В доме друга она дожидается решения своей судьбы. Герцог, заклятый враг Шуазеля и Дофины, решил сам уйти с поста министра иностранных дел, не дожидаясь позора отставки.

В тридцать один год Жанна находится в полном расцвете своей красоты. В юношеском возрасте очаровательные округлости дополняли детскую грациозность ее фигуры и делали так, что, даже будучи затянутой в шелка и парчу, ее плоть продолжала что-то шептать и, казалось, была готова выдать свои последние тайны. Сегодня легкая полнота еще больше смягчила сладострастный облик, округлив, если можно так выразиться, ее юношеские формы. Семь лет галантной жизни, шесть лет в постели Короля, сколько ночей в работе счастливой рабыней чувств, на службе удовольствия ничуть не повредили пленительному телу Жанны, не испортили его. Казалось, только слегка умерили ее веселый характер.

Но эта слишком способная куртизанка не ограничилась лишь тем, что сколотила себе состояние за счет аристократии, безумной и щедрой молодости, нескольких похотливых любителей малинки из числа купавшихся в золоте и серебре старикову всех этих каналов в шелковых нарядах. Беззаботность ее натуры, равно как и буйство темперамента, дала возможность заняться любовью и с босяками. единственным богатством которых была их мужская сила. Этим любовников для сердца называли пройдохами, они доставляли истинное удовольствие в постели. Забывая голубей и индюшек. они отдавали их своей любовнице. А та отдавала им лучшие кусочки этих птиц: это были не крылышки или ножки, а кошелек.

Среди этих авантюристов был один аристократ сомнительного происхождения, совершенно бесстыдный. Он начал обогащаться в Париже, став лидером любовной индустрии. Его имя было Жан-Батист Дюбарри, он был настоящим графом и настоящим сутенером.

II

15 марта 1765 года

(от Жана, графа Дюбарри, Жанне)

Милый Ангел,

Вас часто выводят в «Итальянскую комедию» или в Тюильри³⁴ вовсе не для того, чтобы вы там хохотали над дурацкой прозой несчастного Питро³⁵ или низкопробными мессами покойного г-на Рамо³⁶. И не для того, чтобы вы позволяли любоваться собою молодым симпатичным мужчинам, которые болтают и пританцовывают в ложах. Несчастливая судьба заставляет меня носить на голове столько рогов, сколько есть комнат, салонов и будуаров в вашем прекрасном жилище, поэтому я попросил бы вас еще раз позволять ухаживать за собой из чувства равновесия или симметрии только лю-

³⁴ После пожара 6 апреля 1763 года, уничтожившего театр «Опера», размещившийся после смерти Мольера в зале Пале-Рояль, труппа певцов и танцоров переместилась в зал «Театра машин» Тюильри. Этот большой зал был построен в 1662 году и назван так потому, что в тот период (с 1738 по 1757 год) там проходили «машины» или «апофеозы»: шикарные представления с многочисленными спецэффектами.

³⁵ Настолько неизвестный писатель, что его имя появлялось в течение всего нескольких лет в газетах или, как здесь, «упомянуто пером Жана Дюбарри».

³⁶ Рамо, Жан-Филипп (1683–1764) – французский композитор и теоретик музыки эпохи барокко.

дям с большим достатком. До понедельника я должен вернуть четыре тысячи ливров, которые потерял в «Фараоне» Дюкенуа. Потребовался всего один час игры с юным Фронсаком, чтобы я лишился двухсот луидоров. Вам нужно выбить у его отца именно такую сумму плюс ажио по нашей обычной ставке.

Вперед же, мой милый Ангел, ваша игра будет более увлекательной, чем моя, и я лучше других знаю, что эту игру вы предпочитаете всем остальным. Вы уже смогли придать жизни ума и тела почти умирающим старцам. Этот, насколько мне известно, очень щедро оплачивает услуги, и его не надо даже упрашивать. Желаю вам получить удовольствие и обещаю никогда не изводить вас своей ревностью.

Ж. Дюбарри.

Жанна и слишком хорошо известный Дюбарри были знакомы уже два года. Встретились ли они у Гурдан³⁷, сводницы, которая обслуживала высший парижский свет, или у Дюкенуа, в вертепе, где посетителям предлагались красивые девицы, равно как и возможность сыграть в карты, поскольку и т. п. другие обладают способностью притягивать золото и деньги? Это не имеет никакого значения: Дюбарри пришла по вкусу молоденькая девушка, наполовину ангел, наполовину шлюха, и он уложил ее в постель, покляв-

³⁷ Содержательница дома известного рода пансионерок, в свое время был очень известен.

ишь, что она будет ублажать исключительно его одного. Нет никакого сомнения: он ее обманул. Она тоже сделала вид, что поверила, и надеялась на предложенное им семейное счастье.

Онустрош красотку жить в своем доме на улице Нев-Сент-Есташ, украсив жилище изящными кружевами и шелками. Его забавляла мысль, что он содержал девицу, хотя сам привык жить за счет женщин.

Однако даже под позолоченным любовью пологом всякий вскоре становится самим собой. Жанна каждую ночь изучала новые альковы, подобно тому как 2-н де Бугенвиль открывал далекие острова и неизвестные народы. А неискоренимой привычкой Плути было торговать девками, подсовывать их за деньги развратникам любого возраста и социального положения. На час или на неделю.

Можно не сомневаться, что Дюбарри первым нарушил обещание, данное в порыве любви и наслаждения. Красавица Жанна вначале казалась удивленной такой перемене тона. Еще чего! Означало ли это, что она снова должна была продаваться, тратить силы, чтобы удовлетворить почтенных развратников, которых ничем невозможно удивить? Разве она не стала содержанкой, официальной любовницей одного из самых удачливых повес королевства?

17 марта 1765 года

(от Жана Дюбарри, Жанне)

Милый мой Ангел,

Дела задерживают меня в Версале еще на несколько дней.

Министр³⁸ нигде не показывается, словно его похитили варвары-пираты. Пусть он наконец оплатит услуги, которые ему тайно оказывались, и мы получим свою долю.

Мне говорят, что г-н де Р.³⁹ вам уже заплатил. Он так вами доволен, что готов снова забрать к себе и оставить во дворце, который будет для него построен. Там вас будет обслуживать сотня рабов секса, и вы сами будете решать, кого наградить и кого лишить своей благосклонности. Кроме того, вас будет охранять сотня янычаров. Естественно, все они мужского пола и физически очень крепкие. Ими вы сможете воспользоваться в те моменты, когда г-на де Р. не будет дома, а также когда он будет дома.

Наш друг не может жить без того, чтобы не быть окруженным султаншами, которых он выбирает среди самых красивых девиц «Оперы»⁴⁰ или из числа шлюх на табуретках⁴¹ при

³⁸ Речь идет о Шуазеле.

³⁹ Ришелье, Луи Франсуа Арман Виньеро Люплесси де (1696–1788) – герцог, внучатый племянник кардинала и кузен герцога д’Эгильона. Его происхождение и заслуги были высоко оценены, но министром он так и не стал. Его цинизм, пристрастие к разгулу, образованность и ум толкали на участие в бесчисленных интригах. Возведение мадам Дюбарри в ранг официальной фаворитки было, несомненно, самым большим успехом этого прирожденного сводника.

⁴⁰ Парижская «Опера» была местом светского разврата наряду с театром «Комеди Франсез» и «Итальянцами». Эти три заведения славились тем, что принадлежали Королю и подчинялись только ему. Они представляли собой нечто вро-

Дворе, поскольку у него уже плохо со зрением.

25 апреля 1765 года

(от Жана Дюбарри, Жанне)

Милый мой Ангел,

Талант господина Марэ⁴², чья проза стала любимым чтением

де убежища для любой женщины, которую преследовал грубый муж, слишком требовательный отец или... строгость правосудия. Для многих из них это было единственной альтернативой уходу в монастырь. Зато эти места были отданы галантной жизни, и женщина или девица, разместившись там, никоим образом не могла утверждать, что вела пристойную жизнь. Отметим, что большинство этих девиц, танцовщиц или певиц, которых называли «сверхштатными», не получали никакой заработной платы и были просто вынуждены торговать своими прелестью. Гостиница театра «Опера» была рынком, где, продемонстрировав свои прелести на сцене, девицы старались подцепить клиента. Они могли надеяться на простой «заход» за несколько ливров, на ужин и на ночь (или на полночи) за несколько луидоров, а при удачном раскладе на продолжительное покровительство.

⁴¹ Право сидеть на табуретках в присутствии короля предоставлялось дамам самого высокого происхождения.

⁴² Самый известный инспектор полиции нравов при генерал-лейтенанте де Сартине. Его прозвали «инспектором Цитеры». В своем дневнике он отметил: «Поскольку это зависело только от меня, я мог бы не напрягаться по поводу девиц, следя за ними во всех театрах, где они играли, записывать их жизнь день за днем, час за часом. Я мог бы сказать, кем они были, кем стали и кто они сегодня. Но поскольку они никогда не бывают одиноки и меняют мужчин, как и место жительства, придется, в силу моего открытого характера, знать всех, кто передаст их из постели в постель, из рук в руки. Мне придется назвать больше имен, чем записано в “Королевском альманахе”, в альманахе Парижа и Версаля, вместе взятых. Если только я не пойду более коротким путем и буду считать только тех, кто находится в современном Содоме» (*Морис Леви. «Театр и свет»*).

вом г-на де Сартин⁴³, будет вознагражден пенсией в две тысячи ливров, поскольку его сонеты очень ценит Король, выслушивает их в интимном кругу и ставит намного выше представлений, идущих в «Театр Франсе».

Девушки Грекур, Боприс, Турвиль, Фавье и т. д. отныне станут простыми фигурантками в небольших пьесах г-на Марэ, поскольку тот только что ангажировал вас на первые роли.

Тысяча благодарностей за двести луидоров, которые вы передали в понедельник, за шесть тысяч ливров – в среду и даже за двести экю и шесть денье – сегодня утром. Поскольку г-н де Р. не постыдится по пятницам, вы сможете получить от него сегодня вечером пятьсот луидоров за отпущение греха, который он совершит в отношении вашей души и нежного тела.

30 апреля 1765 года

(от Жана Дюбарри, Жанне)

Мой Ангел,

Шутники утверждают, что г-н де Шуазель вовсе не является заложником варваров, как говорили, а что он отправился отвоевывать Индию у англичан. Сомневаюсь, что мы сно-

⁴³ Сартин, Антуан де (1729–1801) – генерал-лейтенант полиции Парижа с 1759 по 1774 год. Он, в частности, улучшил освещение, дороги, безопасность в столице, был одним из немногих министров Людовика XV, кого Людовик XVI оставил на службе, сделав министром военно-морского флота.

ва увидим его до конца этого столетия. Я даже не стану мешать вашему свиданию с г-ном де Р.

Г-н Марэ, более чем когда-либо ваш тайный поклонник, утверждает, что наш почтенный друг очень удовлетворен вашими ласками, нежными словами и другими деяниями. И особенно ему пришлось по душе «ароматное крещение»⁴⁴, как вы это называете, поскольку каждую ночь вы душились тем, что Господь создал ради удовольствия людей.

Если наш герцог не допускает вас в свой сераль, то это вовсе не означает отсутствия уважения или недооценки вашей особы. Причина в том, что это место вот уже шесть месяцев занято некой очаровательной восемнадцатилетней уроженкой Прованса, чье прозвище Розетка из-за определенной части анатомического строения ее тела и особых услуг, которые она оказывает господам в этом интимном будуаре. Такая любезность прославила ее у Бриссо⁴⁵: именно в этой академии она обучилась искусству реверанса и коленопреклонения, и откуда наш друг забрал ее, чтобы та принимала перед ним самые очаровательные позы. Но у этой девицы, краси-

⁴⁴ Это «ароматное крещение», природу и процедуру которого мы понимаем довольно ясно, интересует нас прежде всего по причине богохульного и откровенно «распутного» отношения к Церкви и к ее таинствам. Выражение вполне подходит для тех времен и показывает, пусть и через кощунственные выражения, всю еще сохранявшуюся значимость религии и ее interdиктов. Следующее письмо, в котором сладострастно описана литургическая метафора, подтверждает наше толкование этого. Но обратное было бы удивительным.

⁴⁵ «Мамаша Бриссо», сводница не менее известная, чем мамаша Гурдан.

вой, как зад ангела (в то время как вы одна обладаете его лицом и крыльями), несносный характер, и поэтому наш старик боится ее воплей и даже побоев.

Но давайте наберемся терпения и предоставим нашему г-ну де Р. возможность попутешествовать по плутоватому Провансу и исследовать дороги, которые совсем не благоухают тмином и лавандой, преодолеть его крутые склоны, если ему это нравится. От этого он станет еще более щедрым по отношению к нам, и именно нам он будет платить своим золотом, а затем и бриллиантами за утешение, которое ему принесете вы.

Злые языки утверждают по этому поводу, что г-н де Р. может заниматься любовью только тогда, когда с ним грубо обращаются и трясут его сухие ветки, словно сливу в период созревания плодов. Зная ваш нежный характер, бьюсь об заклад, что он будет отвечать вам взаимностью и не сможет причинить боль.

Не будете ли вы так снисходительны и не развеете ли мои сомнения?

Осыпаю вас тысячею нескромных поцелуев и полными нежности ласками.

Очень любящий вас Жан Дюбарри.

2 мая 1765 года

(от Жанны, Жану Дюбарри)

Друг мой,

Рискуя вызвать вашу ревность, которая, как мы оба знаем, постоянно возбуждена, хочу сообщить, что у г-на де Р. с сексом все в порядке в полном смысле этого слова. Он занимается любовью по-своему и как может, другими словами, как отбракованный конь: к этому ничего нельзя ни добавить, ни убавить. Я говорю «отбракованный», потому что он уже стар и не может долго скакать: тем самым подвергает свои сердце и легкие тяжкому испытанию. Однако остальному ничто не грозит. Я удовлетворила ваше любопытство или хотите знать подробности?

Сказать вам, что г-н де Р. любит отыскивать у женщин, девушек и девочек тайные тропы, которые так нравятся ему у Розетки? А поскольку мы все созданы руками одного Создателя, прекрасно сознающего, что делает, г-н де Р. в конце концов находит то, что ищет. Поэтому он не ограничился просто моим ароматным крещением, хотя и оценил его очень высоко: он попросил дать ему возможность произвести со мною это последнее таинство, которое указанная Розетка с таким удовольствием принимает от него и описать которое запрещает стыдливость.

Вы говорите, что вам наплевать на стыдливость?

Так знайте же, что г-н де Р. заставлял меня умирать от восторга всякий раз, когда угощал своими святыми маслами после причастия: эта помазание отправляло меня прямо в Рай, и я оказывалась справа от Господа или даже в Его объ-

ятях. И не говорите, что у Господа нет рук и он никак не может иметь ни рук, ни других конечностей. Особенно той, что могла бы – о, какой стыд! – сделать Его в какой-то мере похожим на жеребца или на г-на де Р.! У Господа есть все необходимое, чтобы одарить честных женщин, к числу которых вы непременно должны причислить горячо вас любящую, вашу покорную и податливую...

Жанну де Вобернье.

4 мая 1765 года

(от Жана Дюбарри, Жанне)

Знайте, Ангел мой, что девицу для утех не должны смущать ни наскоки жеребца, ни целого эскадрона кирасиров вместе с лошадьми, наездниками, саблями, пистолетами и амуницией.

Что же касается г-на де Р., то вы заблуждаетесь не только относительно его личности, но и по существу, и я заявляю вам, что это создание, которое каждую ночь доставляет вам удовольствие, вовсе не жеребец, а дойная корова. И он сам представляет себя таковым.

Дружба с Королем когда-нибудь сделает его Министром и дает возможность уже давно пользоваться расположением самых красивых женщин при Дворе. Но он очень мудр и предпочитает водить компанию со шлюхами. Они получают от него только золото, что его вовсе не обременяет.

Помните, что я с г-ном де Р. знаком уже давно. Хотя наша дружба как между рыбкой и рыбаком и служит только для разнообразия его кухни. Но это чувство родилось из потребности друг в друге, чувства подлинного и прочного. Каждый из нас по своей воле – жертва обмана другого. Я краду у него немного золота, а он за это забирает у меня самое ценное, что у меня есть, мой нежный друг. Подумайте об этом!

Ваш безумно любящий, очень нежный и верный Сен-Жан-Батист.

7 мая 1765 года

(от Жанны, Жану Дюбарри)

Друг мой,

Оставляю вам коня и предоставляю в распоряжение и корову. Запомните раз и навсегда, я делаю все только ради своего удовольствия. Если г-н де Р. – жертва вашего обмана, я же – только жертва своей плоти, чью крайнюю чувственность вам лично удалось отведать. А г-н де Р. достиг высшей степени мастерства игры на этой скрипке.

Вы говорите о своем большом любопытстве. Удовлетворено ли оно этими несколькими словами или же мне нужно назвать точно время, место и другие обстоятельства? Как, например, г-н де Р. еще в достаточной мере силен, что бы ни утверждали тысяча и одна жертва его похотливости. Он старается выполнять эту большую работу только в окруже-

нии зеркал, которые многократно отражают его изображение и делают похожим на сражающийся полк. К тому же его кавалерия многочисленна и хорошо оснащена, его артиллерия насчитывает столько же орудий, сколько их в армиях короля Прусского, его пехота сражается настолько же умело в линейном построении, как и в построении в каре, и т. д.

Задавайте же вопросы! Я отвечу на них как честная девушка, как верная и послушная возлюбленная, как любовница, которая всеми своими поступками старается вам понравиться. Нет ни единого места моего тела, которое бы не принадлежало вам. И только по вашей воле г-н де Р., равно как и многие до него и многие после, будет использовать меня как наемную ферму, будет пасти свою скотину на моем лужке, будет собирать фрукты с моих деревьев, пить воду из моего колодца и т. п.

Но знайте же, что я в этом нахожу удовольствие, которое заключается не только в том, что я покоряюсь, а в том, что я испытываю бесконечное удовольствие отдаваться первому встречному, лишь бы тот пожелал меня использовать.

Отсюда, друг мой, следует, что вы не являетесь ни рогоносцем, ни сводником, ни даже сутенером, потому что я желаю и делаю это только для того, чтобы удовлетворить нас.

И посему считайте себя самым любимым, самым уважаемым любовником, чьи желания беспрекословно исполняются.

Горячо любящая вас шлюха.

Дюбарри, несомненно, был умен, но насмешки Жанны показывали ее слишком строптивый характеру и ему пришлось потратить довольно много времени, чтобы к этому привыкнуть. Постель была единственным местом, где Жанна позволяла главенствовать над собой. Но даже и тогда она подчинялась только своему удовольствию, и это сознательное рабство было скорее проявлением ее независимого характера. Дюбарри догадывался, что красotka никогда не станет полностью зависимой: если она и была шлюхой, то только из-за своей склонности к распутству, а этот грех, совершавшийся ею ежедневно, наказывался только золотом, кружевами, шелками. Жанна все прекрасно понимала. Несравненная красота ставила ее выше соперниц и нужды, что было одно и то же. Нужен ли был такой женщине покровитель? А разве каждый мужчина, которого она встречала, не становился естественным образом ее покровителем, причем намного лучшим, чем Дюбарри? Тот укладывал ее в постель и под этим предлогом забирал заработанное ею золото. То же самое со всеми другими мужчинами приводило к обратному результату. Жанна была слишком умна и уверена в себе, чтобы поддаваться малейшему принуждению, если в этом не было ее интереса.

Она, несомненно, испытывала к Жану то же самое уважение, которое любая шлюха совершенно естественным образом испытывает к настоящему развратнику противополо-

ложного пола. Она подчинялась Дюбарри тем более охотно, что он, человек умный и обходительный, обладал среди прочих своих достоинств даром удовлетворять женщину: он подходил Жанне, как одна краска совпадает по колеру с другой, или как одна нота гармонично сочетается с другой делая благозвучным аккорд. Однако эта «симпатия» не смогла помешать, в октябре 1765 года, разрыву отношений между Жанной и Дюбарри.

В последовавшие за этим дни молодая женщина с радостью надела траур по своему учителю галантных дел. Дюбарри делал вид, что не замечает измены ученицы. Своим молчанием он старался показать, что прекрасно без нее обходился. Он все тонко рассчитал: хотя молодая женщина и подчинялась легко всему, что подсказывал ее каприз и могло польстить ее чувствам, она при этом страдала тщеславием. Притворное безразличие Дюбарри заинтриговало ее, а вскоре обеспокоило, причем до такой степени, что она в редком порыве наивности начала в это верить. У Жанны не хватило хладнокровия, чтобы провести такого человека, а тому удалось посеять сомнения в Жанне.

Целых три месяца она наслаждалась сюрпризами и случайными встречами свободной жизни, которой до этого не знала. В ее новой передней толпились галантные кавалеры, сгорая от нетерпения проверить, по-прежнему ли у их ангела, возлежащего на новых простынях, все такое же белое тело и свежий цвет лица. А Дюбарри в это время каж-

дому встречному объяснял, что он бросил ее, несмотря на всю любовь, по причине, что она преждевременно увяла и постарела. Пройдя вытирал при этом слезы сострадания и делал вид, что больше ничего не хочет говорить об этой несчастной.

И давал понять самой торжественностью надгробной речи: разве можно было увянуть за одну, если можно так сказать, весну? Не было ли внезапное старение девицы Вобернье следствием одной из тех тайных болезней, которые лечатся с помощью ртути и на некоторое время заставляют вести добродетельный образ жизни?

16 ноября 1765 года

(от Жанны, Жану Дюбарри)

Будьте уверены, я чувствую себя замечательно. Единственное, от чего я страдала, было то, что я доставляю вам боль, и эта боль не поддается лечению путем кровопусканий, применения рвотных порошков, промываний желудка и т. п. С тех пор, как я вас покинула, выздоровление мое было быстрым и полным. Лекарство называется «де Лесторьер»⁴⁶, мне достаточно принимать его утром и вечером в то место, где болит. Эта мазь очень эффективна, главное – надо давать ей

⁴⁶ Де Лесторьер считался одним из самых красивых мужчин Парижа, но его ум был настолько скудным, что девицы называли его «зеркалом для шлюх» (Жак Сен-Виктор. «Мадам Дюбарри»).

проникать подольше и полностью.

Говорят, что вы теперь очень дружны с этим Марэ, которым вы очень дорожите. Нет сомнения, именно от вас он узнал, что я пью ртуть⁴⁷ вместо шоколада, заразила всю улицу Монмартр, заставляя выбивать пыль из ковров в окне. Эти слова были сообщены мне как одна из тех небылиц, которые Марэ довольно регулярно рассказывает г-ну де Сартину. Я обо всем этом рассказала г-ну де Р., другу не в меньшей степени, чем вы. Г-н де Р. пообещал замолвить за вас словечко перед Королем и добиться выделения вам половины пенсии, выплачиваемой Его Величеством г-ну Марэ. Если тот явля-

⁴⁷ Опасность заразиться венерической болезнью была, разумеется, велика, т. к. очень многие женщины занимались проституцией и не было абсолютно никаких предохранительных средств и эффективного лечения. «Английские рединготы» были довольно эффективны как противозачаточное средство, но абсолютно бесполезны с профилактической точки зрения. Очень часто, но не всегда, врачи принимали за сифилис разного рода гонореи, даже несмотря на различия в симптомах и совершенно отличные прогнозы лечения. Добавим к этому, что все эти болезни были зачастую связаны с развратом и отношение к ним, равно как и лечение их, базировалось на «морали» в не меньшей степени, чем на медицине. За эти болезни корили и наказывали, стараясь их излечить. Выздоровление было менее предсказуемым, чем наказание. Больница «Бисетр» специализировалась на венерических болезнях. Количество обратившихся туда больных было ужасающим. При наличии средств лучше всего было обратиться к услугам какого-нибудь врача в городе или в частную клинику. Основным лекарством была ртуть (в виде мазей, пилюль и т. д.). «Драже Кайзера», формулу которых выкупил Людовик XV, получили широкое распространение во второй половине века. Мы точно не знаем ни состояния морали больных, ни процента выздоровевших. Это все, несомненно, зависело больше от характера заболеваний и вируса-носителя, чем от медикаментов и лечения. Медицина того времени, несмотря на жестокость лечения, вовсе не делала невозможными ремиссию или полное выздоровление.

ется издателем развратных песенок, которые ходят по Парижу, вы, несомненно, – их сочинитель.

В тот же день

(от Жана Дюбарри, Жанне)

Милый Ангел,

Пусть крестьянский мальчик, которого вы нарядили в шелка, чтобы вы могли достойно выглядеть, принесет ответ на ваше письмо. Если бы мое состояние позволяло, я бы еще вышил золотом ваши инициалы и каждое слово моего послания.

Будьте уверены, любезнейшая Жанетон, что я не пролил на вашу грудь ни единой капли ртути или любого другого вещества, пусть даже подобное украшение, как это известно всем от Тюильри до Пале-Рояля, подчеркивают чистоту вашего румянца.

Я знаком с г-ном Марэ шапочно, и вы сами хорошо понимаете, что этот новый Гомер, этот Данте или Вергилий нашего времени сочиняет современную эпопею, материалы для которой выдумывает не столько его гений, сколько смелые поступки наших современников. Своих муз он набирает в Опере или у Бриссо, где эти маленькие божества присутствуют в большом количестве. Они каждый день рассказывают ему про новые подвиги наших героев: один стал властелином трех альковов в одну ночь, другой удачно поработал выко-

ванной самим Вулканом шпагой в толпе фигуранток из Оперы и т. д. Нашему писателю нет нужды ничего выдумывать, город и Двор сами дают ему более чем достаточно пищи для вдохновения.

Посему, дорогой мой Ангел, я обрекаю вас на забвение и унижение: г-н Марэ вами более не интересуется, если бы даже вы и были больны сифилисом. Ваша история с ртутью кажется мне чистейшим вымыслом. Не выдумка ли это вашего смазливового г-на де Лесторьера, который старается наказать вас за то, что вы снова стали захаживать к мамаше Гурдан? Но нет! Могу поспорить, что мой собрат получает дивиденды за вашу столь полезную неверность и ему было бы невыгодно на вас сердиться. А может быть, слухи о болезни распускает какая-нибудь из ваших соперниц или, скорее, завистниц, поскольку соперниц у вас быть не может, одна из тех низкопробных шлюх с нижнего этажа, над которыми вы, благодаря вашим видимым и скрытым достоинствам, возвышаетесь на несколько ярусов?

Но я более склонен верить третьему предположению – это всего лишь плод моего воображения, чистая выдумка, но мне она нравится больше вашей. Не являюсь ли я в некоем вашем романе главным действующим лицом, из-за кого постоянно возникают скандалы? И конечно же, вы хотите мне за это отомстить! Вам, моя милочка, нужны уверения, доказательства или, по меньшей мере, серьезные знаки моего доброго расположения и привязанности. Хотите, чтобы я к

этому добавил знаки любви, клятвы? Но я не тот человек, кто обещает. С меня достаточно без лишних разговоров держать свое слово, и я советовал бы вам последовать моему примеру. Зачем нужно передавать ваши изложенные на бумаге чувства через какого-то юного беррийца или пикардийца, который пачкает их своими грязными пальцами? Приходите лучше сами ко мне и лично выскажите свои претензии с той очаровательной живостью, чьи взрывы меня раньше так часто смущали. Приходите в ночной рубашке, пожалуйста.

Вечером того же дня

(от Жанны, Жану Дюбарри)

Мой дорогой,

Юный посыльный, чья провинциальная грязь и запах земли не нравятся вам даже под шелками, вовсе не берриец или не пикардиец, а нормандец. Это можно понять скорее слухом, чем обонянием. Ваш дом и мое жилище, как и наши сердца, не очень далеки друг от друга, поэтому мой молодой лакей готов незамедлительно доставить ответ на мое письмо и, если нужно, еще до конца этого дня принести вам мой последний ответ на все вопросы. Не знаю, заметили ли вы, что этот юноша красив, хорошо сложен, высок, широкоплеч и имеет лицо херувима. Допускаю, что, хотя белье его чистое, все остальное не столь ухожено. Перед тем как направить его к вам, я его помою: он, несомненно, никогда в жиз-

ни не мылся в ванне, но я постараюсь сделать так, чтобы это испытание стало для него менее жестоким.

Сожгли ли вы уже в печи кровать, которую ваш краснодеревщик и ваша похотливость сделали необычайно большой для того, чтобы, как вы выразились, мы могли наслаждаться друг другом во всех смыслах этого слова? Если кровати нет, с меня будет достаточно софы, кресла, ковра, паркета, лишь бы меня обнимали ваши руки и окружали нежной заботой, а также двух, лучше – трех зеркал, которые станут свидетелями наших проделок. Жирандоли, канделябры и люстры будут освещать эту сцену адским светом. Что вы на это скажете?

«Девушка Боварнье⁴⁸ – записал инспектор полиции Марэ, – помирилась с г-ном Дюбарри...»

Наши герои еще не стали столь известными проходимцами, чтобы полиция старалась не искажать их имена. К ним относились беззастенчиво. Они принадлежали к категории пройдох в шелковых чулках:, и можно было надеяться, что вскоре о них позабудут.

Продолжая свой рапорт, Марэ уточнил: «Дюбарри будет не только покупать для Жанны все, что ей понравится, но и будет терпеть все ее капризы».

⁴⁸ Вероятно, фамилию искажил сам Марэ, поскольку в городе Жанну знали под вымышленным именем «де Вобернье». Возможно также, что и она сама выдумала этот «вариант».

Таким образом наш Плут не был в сильном восторге от возвращения своей добытчицы денег: она собиралась наставлять ему рога не только ради денег, но и так часто, как будет предоставляться такая возможность, делать это ради своего удовольствия, ради удовлетворения своего «каприза». И сутенер стал слугой этой красивой шлюхи, чем-то вроде интенданта с привилегией ложиться в постель своей хозяйки.

Это последнее заявление – не такое уж смелое утверждение. Конечно, Жанна вернулась. Дюбарри доказал, что не зря носил прозвище Плут: у него хватило ума не звать ее назад. Он также не был настолько простодушен, чтобы поверить, что эта красотка действовала по порыву страсти. Впрочем так много он и не требовал. Просто Жанне было намного удобнее жить с ним рядом, чем одной. Вот причина и объяснение этому возвращению.

Она любила единственный раз платонической любовью только Адольфа, сына Жана, парня с приятным лицом и покладистым, открытым и честным характером. Иногда Жанна думала, что супруга Дюбарри, которой никогда не позволялось выезжать из родной Гаскони, в своей скрытности дошла до того, что дала Дюбарри наследника, даже не попросив его в этом помочь.

А сама Жанна, казалось, ничуть не жалела, что у нее не было потомства. Надеялась ли она когда-либо произвести на свет незаконного сына Короля? Это было не в ее харак-

тере: Жанна считала себя насколько красивою, что могла производить на свет только бриллианты. Другими словами, материнский инстинкт у нее почти полностью отсутствовал. В лице Адольфа она нашла сына, который в полной мере соответствовал особенностям ее характера и очень ограниченной «тяге к материнству». В 1763 году, когда Жанна познакомилась с Адольфом, тому было уже четырнадцать лет, возраст Керубино из «Женитьбы Фигаро», и молодая женщина, сомневаться в этом не приходится, могла в сердце испытывать к нему нечто подобное тому, что испытывала Сюзанна или графиня Альмавива.

16 января 1766 года

(от Жанны, Адольфу Дюбарри)

Мой милый Адольф,

Вчера вечером я подошла к двери. Мне открыли, и я увидела нечто вроде турка с великолепными усами, горящим взглядом и черепом, гладким, как яблоко Ньютона. Я стала готовиться к смерти: неужели этот монстр меня задушит или ломает кости своими огромными ручищами? Неужели твой отец нанял этого громилу, чтобы убить меня, или турки захватили Париж?

Это ужасное с виду создание приоткрыло рот, изобразив, несомненно, улыбку, показав зубы, похожие на волчьи клыки. Движением руки, напоминавшим взмах крыла ветряной

мельницы, он пригласил меня войти. Я вся окаменела, не смея двинуться ни туда, ни сюда. Едва двигая сведенными от страха губами, я произнесла, что «являюсь крестной матерью господина Адольфа», и попросила тебя позвать.

Это создание, очевидно, понимало французский язык, что несколько успокоило меня, но потом сообщило, что «господина Адольфа» нет дома. И тогда я спросила:

– Когда же он вернется?

– Не знаю.

– А надолго ли он ушел?

– Его нет, повторяю вам.

Не сумев больше ничего вытянуть из этого Цербера, я решилась войти, рискуя жизнью, чтобы покончить с этим делом так или иначе. В маленьком салоне перед камином сидел некий человек с очень злым лицом, в домашнем халате и чепце, и делал вид, что читал какую-то газету. Он даже не поднялся, чтобы приветствовать меня: ты, наверное, узнал своего отца.

Я вся дрожала от холода и страха, который внушил мне лысый гигант. Не снимая манти, я некоторое время простояла перед очагом, потирая ладони в надежде, что они не отвалятся от запястий.

Отец твой продолжал хранить молчание с непроницаемым выражением лица, не отрываясь от чтения. В конце концов я решила вернуться на улицу Монмартр. Стоило ли мне объявить ему о своем твердом решении или уйти, не сказав

ничего? Этого человека ничто не трогало, или же он умело скрывал свои чувства, если таковые вообще у него были. Мне было все равно. Колеблясь в принятии решения, я с нежностью подумала, дорогое мое дитя, что только наша дружба вновь привела меня на улицу Нев-Сент-Есташ и на этот раз все будет кончено с нашим смехом, играми, сказками, которые мы друг друга рассказывали.

Но тут появился мой слуга с повозкой, на которой была моя мебель. Турок сообщил о прибытии юного нормандца и повозки. Твой отец вышел наконец из летаргии и приказал турку перенести вещи в дом. А затем снова занялся чтением, словно впад в сон. Он даже не обратился ко мне.

Вот так, милый мой Адольф, я вернулась в ваш дом. Но тебя там не было, твоему отцу лучше было бы оказаться в антиподах. Мне сказали, что служба у Короля⁴⁹ задержит тебя до конца месяца. Мне так не терпится снова увидеть самого юного, самого нежного и самого честного из моих друзей.

Понедельник

(от маршала де Ришелье, Жанне)

Мой милый друг,

В лавке г-на Обера я нашел три нитки рубинов, на них

⁴⁹ Благодаря протекции Ришелье, в 1763 году в возрасте четырнадцати лет Адольф был принят на службу в качестве пажа в покоях короля. В 1766 году ему было уже семнадцать лет.

можно было бы подвесить большой кабшон из того же камня. Я попросил, чтобы их перенизали на прочную нить, поскольку эти камни, маленькие или большие, довольно тяжелы. Потом я задумался, что же я буду делать с этим украшением, которое, естественно, не пристало носить мужчинам. И тут пришла в голову идея подарить его вам. Не найдя для него подходящего по размерам ларчика, я отправил на улицу Монмартр своего кучера, двух посыльных и двух лакеев с факелами позади кареты, чтобы доставить вас ко мне с триумфом. Мои люди обнаружили дверь вашего дома закрытой. Им сказали, что голубка покинула свое гнездышко и снова очутилась в сетях нашего знаменитого ловца дичи.

Я так расстроился, что не могу даже глядеть на эти рубины. Я уже начал подумывать, не пронзить ли мне сердце или бок, чтобы скрыть в крови этот яркий цвет, который так и привлекает к себе взгляд. Но, будучи уже не в том возрасте, чтобы совершать подобные поступки без того, чтобы не показаться смешным, я решил в конечном счете оправить их в мою ложу в «Опере», где их цвет сливается с красной обивкой кресел.

Я жду вас там сегодня вечером, моя милочка. Девушка Арну⁵⁰ будет петь в роли Тисбеи⁵¹, но я буду на месте и поста-

⁵⁰ Арну, Мадлен Софи (1740–1802) – французская актриса и певица, самое знаменитое сопрано своего времени. Ее побаивались за меткие, иногда жестокие словечки и из-за бурных романов (естественно, с графом де Лораге, а также с мадемуазель Рокур, известной трагической актрисой из «Комеди Франсез»). Помимо своего постоянного любовника, она принимала в своем особняке на Шоссе

раюсь вас немного развеселить.

Я сообщил вашему охотнику за птицей, что он не увидит вас две или три ночи, если вы не против. Он для вида просто-нап и произнес несколько фраз относительно жестокой судьбины и недостойных нравов наших современников. Но чтобы отпустить грехи, которые вы совершите сегодня ночью, я намерен стать кардиналом, как мой предок, и быть им столь долго, сколько мы будем заниматься нашими святыми поступками.

Преданный вам Р...

В тот же понедельник, когда солнце легло первым
(от Жанны, Ришелье)

Ваше Высокопреосвященство,

Действительно, вокруг меня я вижу много красного: ваши рубины мне очень понравились. Красная обивка кресел в ложе тоже пришлась мне по вкусу, а пурпурные одеяния, которые вы на себя надели, внушают мне уважение, и поэтому я стою на коленях перед вами, покорная и сладострастная, как вы меня учили.

Но вы, вероятно, забыли, из всех цветов я предпочитаю белый, который лучше, чем красный, говорит, что я – ангел.

д'Антен всех, кто был в моде и кто задавал тон светской жизни: принц д'Энен, принц де Линь, герцог Шартрский (будущий Филипп Эгалите) и т. п.

⁵¹ Героиня оперы Моцарта «Дон Жуан».

Ваша любящая служанка во всем, что вам будет угодно приказать сегодня ночью.

Все в тот же понедельник

(от Ришелье, Жанне)

Милый Ангел,

Вот двойная нитка жемчуга, которая должна удовлетворить ваше справедливое предпочтение к белому цвету, о котором я, каюсь, позабыл. У вас такая тонкая талия, что мы, возможно, сделаем из этого кольцо пояса. Я сам надену его на вас, если позволите, и охотно сменю пурпурные одеяния, эпитрахиль и шляпу на скромную одежду подмастерья ювелира.

Вы не сможете дочитать это письмо до конца, поскольку заняты сейчас жемчугом, который в него завернут. Я заранее прощаю вам такое отношение к моей прозе. Мысль, вложенная в эти несколько слов, вскоре будет высказана кончиками моих пальцев, они пройдутся по вашим бедрам и очаровательной попе. Я позволю мадемуазель Арну одолжить вам свой голос для стонов наслаждения. Они будут предназначены только для моих ушей, значит, я весь буду ваш.

Р.

Вторник

(от Жана Дюбарри, Жанне)

Ангел мой,

Наши новые договоренности предусматривают, что вы проводите ночи дома, если только речь не идет о получении значительных сумм, которые обязаны вносить в общий котел.

Хотя у моего турка, как вы его называете, очень неприятные глаза, за что вы его недолюбливаете, он все-таки довольно наблюдателен и узнал вас, когда вы сегодня рано утром в свете факелов, которые держали в руках люди г-на де Р., выходили из «Оперы»⁵². Этот маленький пожар освещал три нитки рубинов, никто до этого их не видел на вашей шее. На колье висела также пробка от графина цвета вина «Порто».

Г-н де Р. уже похвалился, что украсил изящными жемчугами самое тайное место вашего тела и ему так понравилось долго перебирать жемчужины между вашими губами, кото-

⁵² 30 декабря 1715 года регент разрешил проводить балы-маскарады после оперы в том же зале, где пол, благодаря сложному механизму, поднимался до уровня сцены. Следует напомнить, что «партер», в том виде, в каком его устроил Мольер, был всего лишь полом, где публика во время представления стояла. Эти балы начинались в День святого Мартина и продолжались каждое воскресенье до конца ноября. Их устраивали два раза в неделю во время карнавала. Они начинались около полуночи и заканчивались на рассвете. Мужчины и женщины скрывали свои имена под масками. Это давало возможность вести себя еще более вольно. Дамы высшего общества, гризетки и проститутки на этих балах стояли рядом и соперничали между собой в кокетстве и распущенности. Бал в «Опере» был одним из самых любимых развлечений парижан.

рые не имеют дефекта произношения⁵³, что он забыл там свое украшение по небрежности или потому, что вы более не можете без него обходиться.

Я даю вам право выбрать, моя дорогая, между жемчугом и рубинами и возьму себе только то, что вам не нужно.

Чтобы сделать вам приятное, я приказал своему турку сбрить усы. Мы уберем у него с лица или тела все, что делает его неприятным: нос, уши, а если пожелаете, то и...

Передайте, пожалуйста, мое нижайшее почтение г-ну де Р.

Горячо вас любящий Ж.

Вторник вечером

(от Ришелье, Жану Дюбарри)

Мой дорогой Дюбарри,

В объятиях той, что возносит на небо избранных самим Господом, я узнал о вашей страсти к жемчугам и рубинам. Неужели вы забыли, что наш Ангел делит между нами и еще кое-кем только те прелести, которыми наградила ее сама природа? Но я понимаю вашу новую фантазию, дружок, – появиться в городе или при Дворе с рубинами на шее и несколькими жемчужинами, подвешенными, как брелок, к вашей шляпе. Вот вам вексель на сто пятьдесят луидоров к

⁵³ Жанна слегка шепелявила при разговоре.

банкиру де Лаборду⁵⁴. Хватит ли вам этого, чтобы купить побрякушки, или хотите еще тысячу ливров?

Сгораю от нетерпения увидеть вас в шикарных одеяниях, украшенных белыми и красными цветами драгоценностей. Я вас понимаю, мой милый: вы испытываете ревность и теперь проявляете ее, несмотря на все усилия скрыть это чувство. Но ваша ревность вовсе не из тех, что встречается у первого встречного любовника из огромного числа рогоносцев, которых можно встретить в нашем народе, и которая придает ему некую гордость. Вы же – завистливы, даже к чарам прекрасного пола. Вы претендуете на то, что превосходите красотой женщину, которую мы с вами любим. Ах, как она не права, что не смотрит на вас хотя бы мгновение! Когда ее взгляд снова упадет на вас, вы будете украшены бриллиантами, парчой и кружевами и навсегда превзойдете ее благородством и грациозностью походки. Нет никакого сомнения, что она лопнет от досады.

Ваш самый преданный друг.

...

Вот какие изменения претерпела парочка Дюбарри, и это сразу же коснулось многих: помимо герцога де Ришелье, дру-

⁵⁴ Л а б о р д, Жан Жозеф де (1724–1794) – маркиз, банкир при дворе, посылал послам короля субсидии, которые были обещаны иностранным государствам, и деньги на содержание дипломатического корпуса. У него была привилегия поставлять монетным дворам золото и серебро для чеканки монет. Огромное личное состояние позволило ему ссудить правительству деньги во время Семилетней войны. Был казнен в годы террора.

гими словами, «г-на де Р.», самого «близкого» из друзей семьи, пришла очередь маркизов и сборщиков налогов, военных и гражданских чинов, банкиров. Среди самых престижных «близких друзей» можно назвать герцога де Лозена, но частые визиты маркиза де Ла-Тур-Дюпен, занимавшего положение чуть менее высокое, подтверждают, что семейство Дюбарри допускало в дом только тех, кто был принят при Дворе. Их честолюбие заставляло выбирать своих гостей из ближайшего окружения Короля. Благодаря очарованию Жанны, ее острому уму, а также тому, что при ней находился известный нам блестящий импресарио. Но у Дюбарри созрел план намного более честолюбивый, чем желание заручиться добрым расположением влиятельных людей, то есть тех немногих, кто был близок к Королю. Жанна знала о тайных намерениях своего сообщника. Тот метил выше герцогов и принцев крови. Всю свою энергию и все свои действия он втайне направлял на то, чтобы подложить Жанну в постель самого Короля.

Кстати, это была не первая его попытка. Несколькими годами ранее он уже хотел «подарить» Любезному Королю некую девицу Доротею⁵⁵, дочь водоноса из Страсбурга. Эта юная красотка из народа не смогла познать успеха, которого от нее ждали. Плут почти бесплатно давал своей обычной клиентуре возможность наслаждаться прелестями юной уроженки Страсбурга. Мы знаем историю о принце

⁵⁵ См. приложение II, с. 359.

де Лине, заявившем, что был очарован «любовью этой Лайис».

Дюбарри, казалось, извлек урок из неудачи, «сократив» при посредничестве Лебеля⁵⁶, первого камердинера Короля и его главного поставщика свежей плоти в знаменитый «Олений парк», путь, который мог привести женщину не только в объятия Короля, но и сделать любовницей и доверенным лицом монарха. А путь этот был крайне долгим и усеянный преградами. Но, по мнению Дюбарри, Жанна более чем кто другая была достойна провести несколько ночей в домике для удовольствий Короля.

2 января 1768 года

(Ришелье, Жану Дюбарри)

Чего же вы еще от меня хотите? Неужели вам мало того, что вам уже дала судьба? Вспомните же, что именно я способствовал ей, господин граф из Ниоткуда, и можно по неосмотрительности снова опустить вас в дворянство птичьего двора. Вашему Ангелу будет очень не по себе среди

⁵⁶ Лебедь, Доминик Гильом (?—1768) – первый камердинер короля, прироченный сводник, был известен как поставщик удовольствий для короля. Исключительное доверие, которым он пользовался у монарха, позволяло ему быть в курсе всех сокровенных тайн. Он раньше короля стал любовником госпожи Пуассон (будущей мадам де Помпадур). То же самое он проделал и с мадам Дюбарри. Доверительные отношения между хозяином и слугой часто предусматривали «совместное» обладание женщинами. Возможно, в этой привычке просматривались наклонности короля к тайнам и гомосексуальным забавам.

невеж, которые едят руками и путают крылышко с гузкой.

Но наша любезная крестьянка, несомненно, не знает, какими глупыми прожеками вы занимаетесь. Думала ли она когда-либо, что г-н де Фитц-Джеймс, или г-н де Лозен, или я будем лично заниматься составлением ее геральдического герба, которого нет в каталоге д'Озье⁵⁷, но мы украсили его нашими ветвями и самыми прекрасными рогами?

Однако г-н де Сент-Фуа стал на сторону нашей общей и единственной в своем роде подруги, чтобы она не простудила себе зад: надо сжечь довольно много охапок хвороста в печи, чтобы дать возможность побыть в тепле до весны.

Вам и этого мало? Разве г-н казначей Военного флота⁵⁸ с шестьюдесятью линейными кораблями, имеющими на борту каждый по шестьдесят орудий, не сможет удержать плац-

⁵⁷ Каталог д'Озье содержал самые полные сведения о дворянстве с генеалогией, титулами, наградами и т. д. К нему обращались так же часто, как сегодня заглядывают в издание «Кто есть кто». На самом деле официального геральдиста короля звали Шерен. Ему было поручено установить «благородное происхождение» семьи Дюбарри и, главное, найти доказательства, что их дворянство восходит к 1400 году. Только это могло дать Жанне возможность получать «придворные почести» (присутствие на приемах пищи королем, его дочерей и дофина, право заходить в часовню и т. п.). Шерен, сама честность, вынужден был много потрудиться, чтобы установить «истину» и найти требуемые королем «доказательства».

⁵⁸ Радикс де Сент-Фуа был главным казначеем Военного флота. Эту должность он получил благодаря своему огромному состоянию, которое он приумножил за время пребывания на этом посту. Пост главного казначея был связан исключительно с финансами и, «как коварно намекнул на это Ришелье», к боевым действиям флота никакого отношения не имел.

дарм?

Теперь вам подавай самого Короля! Королева больна, Королева умерла⁵⁹, и да здравствует Жанетон! Несчастный Барри, ты сошел с ума! Наша слишком любезная девица ничуть не похожа на новую Ментенон⁶⁰. Чтобы до такого додуматься, надо, чтобы страшная лихорадка повредила твой разум.

Подобно Янусу, у Короля два лица: он добр и жесток, великодушен и ревнив, внимателен и беззаботен, щедр и скуп, развратен и набожен. Бесполезно искать и намека на улыбку. Уверяют, что со дня на день он станет вдовцом? А разве он не был им всегда? У Жанны есть добродетели, если можно так сказать, которые могут удовлетворить любого счастливого мужчину. Но эти же самые качества не могут воздействовать на меланхолика: она будет олицетворять счастье, показывая, как он от этого далек.

Сент-Фуа довольно любезен, достаточно богат, чтобы содержать столько же любовниц, сколько у него коней, а Жанна вполне способна стать вскоре его самым прекрасным экипажем. Умерьте этим ваше честолюбие!

Остаюсь, мой дорогой, верным слугой вашей любовницы.
Г-н де Р.

16 января 1768 года

⁵⁹ Она была тяжело больна и умерла 24 июня того же года.

⁶⁰ Франсуа д'Обинье, маркиза Ментенон (1635–1719) – вторая (морганатическая) жена Людовика XIV.

(от Сент-Фуа> Жанне)

Милое ночное светило,

Именно так вас и должно звать, поскольку у вас прекрасный белый цвет кожи от Селены, а также потому, что вы исчезаете с неба на заре. Но кому захочется спать, когда вы рядом?

Вчера меня на улице Жюсьен⁶¹ не было. Но, как мне сказали, там речь шла обо мне. Дурак Кребийон⁶² и злобный Колле⁶³ – они ведь глупые люди и злые писатели – соревновались в остроумии или в том, что они таковым считают, потешаясь над моим именем и над моей репутацией. Я не стану требовать удовлетворения у этих двух проходимцев, которые так низки рангом, что их едва замечают. Таким образом, я не стану выводить их из окружающего их небытия с помощью скандала, от которого, возможно, пострадаете вы.

⁶¹ 23 мая 1766 года Жанна и Дюбарри переехали в апартаменты в доме 16 по улице Жюсьен, которую снимали за 3000 ливров. Там был то салон, то бордель, то вертеп. Место это стало вскоре столь посещаемым, что чета Дюбарри с 20 февраля 1767 года заняла весь особняк.

⁶² Кребийон-младший, Клод Жолио де (1707–1777) – прославился своими распутными произведениями «Софа», «Ночь и мгновение», «Заблуждения сердца и ума»... Этот писатель, чьи труды цензура долгое время держала под спудом, был намного умнее, чем «о нем отзывался Сент-Фуа». Пройдя, наконец, чистилище цензуры, его романы и сказки сегодня пользуются заслуженным успехом.

⁶³ Колле, Шарль (1700–1783) – гораздо менее талантливый и известный писатель. Из-под его пера вышли несколько песен и комедий, ныне заслуженно забытых.

Мне сказали, что вы смеялись над их выпадами. Вот это мне слышать довольно неприятно.

Все это, дорогая моя, не достойно ни ангела, коим вы пытаетесь себя представить, ни той белизны, о которой я выше говорил и которую можно увидеть поочередно на вашем лице, на ваших платьях, на ваших рубашках, на вашем заду. Вас, несомненно, надо описывать еще лучше. Но я проявлю добродетель римлянина и отныне буду обходиться без вашей белизны. И из дома буду теперь выходить только безлунными ночами.

Горячо вас любящий Р. де Сент-Фуа.

Вторник

(от Жанны, Жану Дюбарри)

Это не может называться письмом и адресовано скорее вашей щеке, но известно, что пощечины и ненависть женщины не заставят вас покраснеть.

Если вам нравится читать подобное, вот несколько строк, которые я получила только что от г-на де Сент-Фуа.

Да, я совершила глупость и смеялась. Ему об этом донесли. Он недоволен и меня бросает.

Эпиграммы господ Кребийона и Колле, очевидно, были оплачены несколькими экю из вашего кошелька. Звук моего смеха также был донесен до ушей любовника одним из ваших приятелей. Для достижения своих грязных целей вы не

брезгуете ничем.

Сегодня вечером дома вы меня не найдете. Вашим писателям предоставляется возможность подумать о новых объектах зубоскальства. Вы даже можете подсказать им одно имя, поскольку я рассчитываю провести эту ночь и, несомненно, еще несколько ночей с очаровательным Моле⁶⁴. Сообщаю вам, что у него нет за душой ни гроша, но он живет на широкую ногу в другом смысле.

Оставляю вас в обществе жалких академиков. Увидимся через несколько дней и поговорим о других вещах. А если желаете, не будем говорить вообще, да и видеться тоже.

Жанна.

20 января 1768 года

(от Сент-Фуа, Жанне)

Милое ночное светило,

Я дал себе слово забыть ваши глаза, мраморную грудь, пушок, золотящий ямки на вашем теле, мушку, которая в день вашего рождения села на входе у храма Венеры и с тех пор никуда оттуда не улетает... Короче говоря, я поклялся никогда больше вас не видеть, ни вблизи, ни издали, ни в анфас, ни в профиль. Увы, эта решимость просуществовала всего

⁶⁴ Моле, Франсуа Рене (1734–1802) – французский актер из «Комеди Франсез». В 1784 году сыграл графа Альмавиву в «Женитьбе Фигаро». Известно, что премьера этого «Безумного дня» прошла с триумфом и имела большой политический отклик.

несколько дней или, скорее, несколько ночей: четыре, если быть точным. И все эти четыре ночи я провел в салоне, а потом в объятиях госпожи Мазарини⁶⁵.

Итак, теперь я отомщен за ваши оскорбления, милый мой Ангел. Вы тоже отомщены, поскольку у герцогини я не нашел того же белья, что заставило меня сожалеть о вашей небесной белизне.

У мадам де Мазарини есть ум, вкус и хорошие манеры. Она, несомненно, превосходит вас в умении себя вести, в этом вам еще надо многому научиться. Она читала философов, чьи странные идеи и претенциозные утверждения не нравятся ни вам, ни мне. Однако она так красиво говорит, что могла бы сделать из Министра последователя Жан-Жака или ученика Вольтера.

Но в ней и в ее поведении сохранилась некоторая итальянская грязь, и она, зная о своих черных глазах, смуглом цвете лица, резком голосе, допускает, что ее предки, прежде чем получить митру и палочку, могли быть угольщиками.

Не знаю, хочу ли я снова вас созерцать и наслаждаться вашей нежностью или все еще хочу мстить. Я гоню вас из моего сердца, ввожу туда соперницу, чье изобилие титулов, славы и денег, несомненно, внушает зависть, но все это я делаю вам во вред только для того, чтобы выразить, в конечном счете,

⁶⁵ Герцогиня де Мазарини была менее известна, нежели ее знаменитый предок. Ее помнят в основном за бесчисленное количество любовников (принц де Линь, Сенак де Мей-ан и др.).

предрасположенность моего сердца или некоего другого моего органа, которым вы пожелаете овладеть сегодня ночью.

К пяти часам я пришлю за вами самый красивый экипаж. Я заставил обить карету белым шелком и сам буду одет в белое. Вам придется на ощупь искать меня в карете, где окна будут завешены плотными белыми занавесками. Мы поедем в мой домик в Нейли, где вы увидите белые простыни, на которых вышиты наши переплетенные инициалы.

Ваш Р. де Сент-Фуа.

12 февраля 1768 года

(от Ришелье, Жану Дюбарри)

Счастливым Барри,

Главный казначей Флота, как мне сказали, настолько сблизился с нашим Ангелом, что невозможно просунуть лезвие ножа между его мачтой бушприта и красивой фигурой, которую он туда недавно подвесил. Как известно, наш человек ни разу не вступал на палубу военного корабля Его Величества, даже несмотря на то, что его иногда видят в бассейне Нептуна наблюдающим, как какой-нибудь молодец охраняет тыл некой герцогини с двумя рядами пушек и тремя нитками жемчуга. Он не сможет отличить левый борт от правого, нос от кормы, полуют от киля, не знает, стреляют ли орудия борта поодиночке или залпами, и уж тем более не поймет, плывет ли корабль на восток или на запад, держит ли он курс

на Америку или на Гренландию.

Но четыре линейных корабля в настоящее время взяли курс на океан, который находится за Индией. Им поставлена задача найти острова, где живут знаменитые томатурги, славные тем, что умеют восстанавливать девственность. Наши корабли привезут во Францию столько волшебников, сколько вместят трюмы. Самые красивые из них достанутся нашему Ангелу. Судя по всему, они будут ее зашивать ради удовольствия вновь лишит девственности, а потом снова «зашивать» и «расшивать», не зная усталости.

Преданный вам г-н де Р.

В тот же день, чуть позже полудня

(от Ришелье, Жану Дюбарри)

Несчастный Барри,

Все потеряно! Я только что узнал, что четыре корабля Сент-Фуа были потоплены английскими корсарами. Поскольку наш Ангел не сможет быть подлечен нашими колдунами, она сможет внушить лишь холодность и безразличие господину, о котором мы думаем⁶⁶.

Эту печальную новость мне сообщил Доминик⁶⁷. Он хочет предоставлять своему хозяину

только девиц, чьи четыре поколения девственности абсо-

⁶⁶ Вероятно, речь идет о короле.

⁶⁷ Первый камердинер короля.

лютно доказаны и не имеют пятен. Его забота о подлинном дворянском происхождении доходит до того, что он старается лично исследовать при свете большого канделябра, который всегда при нем, генеалогическое древо девиц. Если он не будет абсолютно уверен в своих тестах, молодая особа будет отправлена в семью, чтобы поразмыслить среди родных о недопустимости разгульного образа жизни. Однако, по желанию родителей, можно обратиться к мамаше Бриссо, и та честно доведет до ума ее воспитание.

Поскольку наш Ангел не имеет родных, кроме тебя и матери, и оба вы еще более развратны, а воспитание нашей красотки можно считать совершенным, у меня нет ни единого повода, чтобы представить ее дорогому Доминику.

Твой преданный друг, г-н де Р.

13 февраля 1768 года

(от Жана Дюбарри, Ришелье)

Прекрасный друг,

Жанна считает тебя своим настоящим отцом, поэтому и ласки, которыми она тебя покрывает, скорее дочерние. И если она – твой ребенок левой руки, то лишь потому, что не хочет занимать и смущать пять других пальцев.

Согласен с тобою, наша дорогая малышка не является образцом добродетели. Но те добродетели, во множественном числе, которые у нее есть, довольно интересны. Как же мож-

но проявить к ней такую неблагодарность и не наградить столь редкие качества, известные всему Парижу и Двору. Дошли ли слухи о ней до ушей г-на Лебеда и заставили ли они покраснеть его барабанную перепонку? н, же! Я знаю этого пройдоху ничуть не хуже тебя, и даже лучше, поскольку замазан той же грязью, что и он. Она воняет хуже твоей герцогской грязи, но у тебя нечувствительный нос: выражаясь яснее, за тысячу экую этот милый Доминик будет уверен в целомудренности Жанны, а еще за тысячу экую он собственным спасением поклянется, что она девственница. Пусть приступит лично ко всем проверкам для подтверждения этого! Пусть увидит голую правду! Пусть испытает нашу красотку в свое удовольствие и в естественном состоянии! Пусть признает подлинные доказательства ее целомудренности! Пусть взвесит все выгоды, все доводы «за» и «против». А затем пусть выносит свой вердикт.

Однако, если он будет утверждать, что наш Ангел не девственна, я честью своей поклянусь, что этого не может быть, а если это так, то виноват в этом только он. Ты достаточно известен, чтобы подтвердить мои слова, и, если столь влиятельный Лебель будет уклоняться от истины, я не сомневаюсь, что ты придешь на помощь нашему Ангелу, ее невинности, целомудрию и расскажешь о ней высокородному, благородному и великолепному господину, которого мы собираемся осчастливить.

Твой «почти святой» Жан.

14 февраля 1768 года

(от Ришелье, Жану Дюбарри)

Скорее, бедный Барри!

Эта галиматья, которую я с трудом разобрал, ясно говорит о твоих затруднениях. Твой стиль слегка меня утомляет, но зато не лишен веселости. Твой план представить Жанну, как Фрину, на суд ареопага⁶⁸, на рассмотрение милого Доминика достоин Лафонтена⁶⁹. Не сомневаюсь, что несравненная красота нашего Ангела внушит Доминику самое живое восхищение и он немедленно осыплет ее своими милостями. Если ты этого действительно хочешь, так и поступим. Только скажи, и тебе сразу же подчинятся: в свои семьдесят лет г-н Лебель уже не настолько зелен, как раньше, но он как старый дуб, из которых делают мачты кораблей Его Величества.

Знай, что г-н Лебель, самый близкий к Королю человек, доверенное лицо его рубашки, министр его штанов, великий камергер его подушки, чрезмерно полон чувства собственного величия и значимости, соответствующих действительности, а также уважения к своей персоне, мало что значащей. Впрочем, они часто действуют вместе, поэтому я опасаясь, что дорогой Лебель может использовать Жанну не так, как тебе бы хотелось, а наутро вернет ее без всякой благодарно-

⁶⁸ Орган власти в Древних Афинах.

⁶⁹ Лафонтен, Жан де (1621–1695) – французский баснописец.

сти, за простое спасибо, которое стоит не больше, чем вода в плошке. Жемчуг, которым, как тебе известно, я украсил благородный зад нашей красавицы, был восточного происхождения и очень хорошего блеска. Но, полагаю, ты в этом ничего не смыслишь.

Твой верный друг в твоём несчастье, Луи-Франсуа.

15 февраля 1768 года

(от Жана Дюбарри, Ришелье)

Благородный друг,

Соверши, пожалуйста, низость, о которой я тебя просил.

Преданный тебе Дюбарри.

17 февраля 1768 года

(от Ришелье, Жану Дюбарри,)

Милейший,

Завтра, после вечерни, я буду иметь честь представить мадемуазель де Вобернье г-ну Лебелю. Будьте оба около пяти часов на террасе, что выходит на швейцарский водоем. Когда издали меня увидишь, тебе придется незамедлительно скрыться: именно таковой будет, как всегда, твоя роль в этом деле. Эту роль ты всегда исполнял восхитительно.

Твой самый мерзкий друг, де Р.

Встреча состоялась в назначенный час 18 февраля 1768 года. «Представление» очаровательной дебютантки балетмейстеру труппы Людовика Любезного продолжилось, безусловно, допоздна. Нам подробно не известно, как прошла та решающая ночь, поскольку Лебель, как хороший организатор тайных удовольствий Короля, не оставил ни мемуаров, никакого другого письменного документа.

Зато известно, что при Дворе скрипки, флейты и гобои интриг и сатиры подняли такой шум, что даже в Париже было слышно храп Королевы и восторги Короля от новой девицы. Лебель, как мы уже сказали, был самым близким к монарху человеком по части удовольствий, аксессуаров, всему тому, что не поддается этикету и большой политике. Он снимал с Короля во всех смыслах этого слова его одежду и пояс Святого Духа. Известно, что из постели слуги к постели хозяина вела некая отлогая кривая, и, подобно египетским фараонам, дававшим перед едой рабам попробовать свою пищу и питье из опасения быть отравленными, Людовик Любезный довольно часто предоставлял Лебелю возможность первым попробовать лакомства, которые нравились ему по вкусу и внешнему виду, но свежесть их вызывала у него сомнения.

Из переписки последовавших за этим дней мы знаем, что Лебель был очарован новой кандидаткой в постель Короля. С того дня его самая активная помощь была гарантирована. Чтобы лучше оценить это «содействие» и понять,

какие могла иметь последствия – и имела в действительности – галантная встреча Жанны с Королем, напомним, что «должность» официальной любовницы Любезного Короля была свободна уже четыре года после смерти мадам де Помпадур. Между кланами множились интриги, все соперничали за почести и пенсии. Было проще простого толкнуть в объятия монарха (скорее нерешительного, чем сладострастного) какую-нибудь девицу, которая надоест ему через час. Но совсем другое дело было отыскать редкую птицу, способную завоевать его сердце, доверие или просто привлечь надолго его внимание, отвлечь от ухода в себя, развеять естественную меланхолию.

А Королева была на последнем издыхании. Помимо некоего страха перед смертью близкого человека, уход из жизни Марии Лецинской, ничтожной полячки, которой больше нравилась церковная скамья, нежели французский трон, не привела Людовика XV в состояние одиночества и растерянности больше, чем он испытывал ежедневно.

Внезапное изменение позиции Ришелье и Лебеля, очарованного грацией и способностями Жанны, объясняется беспощадной борьбой между кандидатами на привязанность Короля и группировками, у которые их поддерживали или, точнее, подталкивали в постель к Королю.

Ришелье был самым заклятым врагом тогдашнего министра Шуазеля и долгие годы завидовал ему. Он сам подумывал занять этот ответственный пост, получить кото-

рый, как полагал, могла его дружба с монархом, соединявшие их альковные приключения. Но Ришелье забывал, что именно по этим причинам Король никогда не назначит его на эту политическую должность. Не будучи мудрым, Людовик XV был осторожен и проницателен. Не будучи признательным, он был способен на некоторое великодушие. Не добившись высокого положения, но будучи при этом осыпан милостями, Ришелье не имел права даже шептать. Таким образом, ему оставалось только молчать, то есть интриговать, плести заговоры в серале. Впрочем, он слишком сильно любил женщин, чтобы подумывать об уходе из их покоев. Он предпочитал постель креслу, а веления своего желания – распоряжениям Верховного совета. Не дав никакого поста, Король только воздал ему должное, потому что привычка к разврату вынуждала герцога де Ришелье плавать в мутной воде, где барахтались жулики, авантюристы и, главное, распутники. Здравый смысл подсказал ему, что именно там, в конечном счете, следовало искать орудия для успеха. По правде говоря, других средств для этого у него не было. Его лучшим инструментом воздействия на Короля могла стать какая-нибудь послушная девица, которой монарх мог бы наслаждаться.

Интересно отметить, что план был чрезвычайно уязвим, мог закончиться провалом, был практически безрассудным, трудно осуществимым для мужчины, уже практически достигшего возраста Геродота. Его помнили лишь по-

тому, что он был рожден «в прошлом веке».

Таким образом, необычайная удача Жанны Бекю по прозвищу Ангел, или де Вобернье, а вскоре и графини Дюбарри, основывалась на интриге, на первый взгляд довольно наивной и почти трогательной, если бы от нее не несло дерьмом.

Мы позволили себе слегка забежать вперед в привычном изложении фактов и характеров и показать, насколько ум, сообразительность и даже честность Жанны, дополненные ее внешней привлекательностью, добротой, характером, приветливым, но прямым и отважным, помогли вскоре вознести эту замечательную женщину намного выше мужчин, которые пользовались ею только в целях личного обогащения.

20 февраля 1768 года

(от Лебеля, Ришелье)

Мсье,

У девицы достаточно ума и сообразительности. Ее разговор заставляет задерживать дыхание, эпиграммы несколько вольны, но довольно остры, чтобы простить. Кроме того, ваша протеежа дала познать томительные муки Ада старику, давно уже уставшему от нежного блаженства Рая.

Уверяю вас, что господин, о котором мы с вами думаем, с удовольствием будет выносить неумное щебетанье молодой особы. Я постараюсь сделать так, чтобы на ее прекрасные го-

лубые глаза обратили внимание и заинтересовались ею: не имея титулов, это дитя обладает талантами, которые могут сделать ее придворной в Лувре⁷⁰.

Нет ни малейшего сомнения, что всемогущий и любимейший господин, которого мы имеем в виду, оценит подарок, который вы преподнесите ему в лице этой весталки. Но такой человек, как он, стоящий выше всех и считающий себя избранником Неба и даже выше, вряд ли захочет быть обязанным своему подданному, сколь благороден он бы ни был: посему предоставим возможность организации этой встречи счастливому случаю. Но мы, естественно, этому случаю поможем.

Если это отвечает вашим желаниям, помните на всякий случай, что, когда ваша девица окажется на нужном месте, у нее появится столько врагов, сколько в полночь копошится вшей и клопов в гостинице «Оперы». Самым злобным из этих насекомых-кровопийц будет С. Ш.⁷¹ Стараясь продать сеньору, который нас интересует, свою родную сестру, он ведет себя ничуть не лучше вашего Дюбарри, но он очень влиятелен. Если он поймет, что девица предана вам, его злость не будет знать границ, и несчастная испытает на себе весь его гнев. И тогда вы ничем ей помочь уже не сможете.

⁷⁰ Это остроумное замечание лишь ненамного опередило реальность. Если бы Лебель прожил на несколько месяцев больше, он бы увидел, как Жанна, графиня Дюбарри, была внесена самим Шереном в книгу придворных (см. примечание 1 на с. 57).

⁷¹ Этими инициалами, вероятно, обозначен граф Стен-виль-Шуазель.

Был и остаюсь, мсье, вашим преданным слугой, Л.

21 февраля 1768 года

(от Ришелье, Лебелю)

Дорогой Доминик,

Давайте будем называть кошку кошкой, а Шуазеля – жабой, которую можно раздавить каблуком, если испытываешь большое отвращение.

Среди всех прелестей, коими природа так щедро наградила юную де Вобернье, у нее есть редкое умение ни к чему и ни к кому не испытывать отвращения. Вы и я, мой дорогой, – яркое тому доказательство.

Шуазель, насколько я знаю, не сможет остаться совершенно равнодушным к чарам этой красивой девицы, а наш Ангел знает, как можно поставить мужчину на колени. И тогда ей останется только встать на ступеньку, которая приведет ее туда, куда мы знаем. Шуазель увидит в этом еще один случай прославиться: среди всех, кто оставил отпечаток своей обуви на заду великого Министра, наш дорогой Ангел отпечатает своим каблучком самый соблазнительный рисунок.

Отведав запретного плода, достойный цензор почувствует необходимость проявить к нашей протее самую большую снисходительность.

Вся эта история полностью лишена смысла, но она веселит меня и приносит редкое удовольствие. Невозможно до-

жить до моего возраста без того, чтобы не убедиться, что жизнь – это игра, что мудрость человека заключается в том, чтобы добавить к ней одну-две сцены по своему выбору.

*(Герцог де Шуазель, «Мемуары», глава XXII.
Отрывок)*

В 1768 году перед тем, как Двор отправился в Компьень⁷², один из друзей прислал мне письмо с просьбой принять женщину, которая интересовала некоторых моих знакомых, и эта женщина о чем-то хотела меня попросить. Я был в это время в Париже⁷³ и ответил, что она может прийти на следующий день. Она действительно пришла. Мне она показалась не слишком красивой, вела себя стеснительно, грациозности в ней не было, и поэтому я решил, что она – какая-та провинциалка...

⁷² Компьень (в июле) был одним из этапов маленьких путешествий (как Фонтенбло в сентябре, Медон, Марли и т. п.), в ходе которых король отдыхал один день или несколько недель от тяжелого этикета двора. В эти поездки приглашались только избранные на основании расположения короля или в зависимости от их положения. Можно себе представить, на какие низости и интриги шли придворные, чтобы оказаться в числе избранных.

⁷³ В Версале, а не в Париже, находилось Бюро по корсиканским делам (выдуманный Плутон повод для визита Жанны), и посему Шуазель мог принять девушку. Эта неточность в указании места встречи сделана случайно или же специально, чтобы показать, до чего ему была противна мысль о том, что будущая графиня Дюбарри могла спокойно прийти к нему в служебные помещения в Версале.

Возможно, Шуазель был единственным из своих современников, кого вовсе не тронула красота

Жанны. С этой точки зрения «шутка» герцога де Ришелье провалилась с самого начала. Шуазель даже в ссылке оставался смертельным врагом молодой женщины, полностью поддерживая мнение самого Короля. Досада бурлила в нем даже тогда, когда он писал свои «Мемуары», и, несомненно, именно в своей чернилнице Шуазель нашел темные краски, с помощью которых он не описал, а испачкал прекрасное лицо Жанны.

...Я ясно увидел, – написал он далее, – что эта женщина была из тех девиц, что хотели вытянуть из меня деньги по наущению Дюбарри. Я вовсе не нашел ее приятной. Впрочем, вполне естественные подозрения о состоянии ее здоровья помешали мне приступить к цели ее визита...

«Цель визита» была достаточно понятной, чтобы Шуазель смог в этом ошибиться. Министр испугался подцепить одну из тех болезней, о которых говорят лишь с помощью метафор или иносказательно и лечение которых занимает намного больше времени, чем произнести их названия.

Спустя несколько дней я узнал из истории, рассказанной мне за ужином одним молодым человеком, что мадемуазель

Вобернье звалась Ангелом, это была ее профессиональная кличка, что она была на содержании этого Дюбарри по прозвищу Плут уже несколько лет, что ее знали все молодые люди и часто посещали. Г-н де Фитц-Джеймс⁷⁴ имел ее, равно как и г-н де Сент-Фуа. Наконец, она была публичной девкой. Получив такие сведения, я поблагодарил бога за то, что сумел сдержать свою галантность...

...Он себя поздравляет с тем, что смог устоять перед авансами просительницы. С самого начала этой истории и до сих пор ясно, что отказ переспать с Жанной был очень редким явлением, более значительным и богатым последствиями, чем факт обратного.

У нас в распоряжении очень мало документов, касающихся последовавших за этим недель. Дюбарри, Ришелье и т. п. вообще ничего не писали, а если и писали, то короткие записки, продиктованные необходимостью момента, и изъяснялись уклончиво. Содержание этих записок незначительно, их серую прозу нет смысла воспроизводить.

И опять-таки именно от герцога де Шуазеля до нас дошел наиболее полный рассказ, хотя в очень кратком и недоброжелательном виде и неласковом стиле, о первых шагах

⁷⁴ Фитц-Джеймс, Шарль де – герцог, с 1763 по 1771 год принимал активное участие в борьбе короля против парламентов. Его роль сравнима с ролью д'Эгильона, хотя значимость несколько меньшая. По тем же самым причинам он был вначале потенциальным, а затем открытым противником Шуазеля и его политики компромиссов с парламентами.

Жанны при Дворе. Или, чтобы было понятнее, о ее первых ночах в постели Короля:

В 1768 году в Компьень в шикарном экипаже приехала одна женщина, привлекающая к себе столь большое внимание, что придворные и министры сразу же поняли – эта женщина прибыла в Компьень ради удовольствий Короля. Не знаю, почему я в тот год приехал в Компьень, потом я туда обычно не ездил. Король уже неделю находился там. По приезде я узнал от г-на де Сент-Флорантена⁷⁵ о слухах, ходивших при Дворе по поводу дамы Дюбарри (такова была ее фамилия), а также о любви, которой, как утверждали, Король к ней воспылал. Действительно, она проводила у Короля каждую ночь. Ее видели каждое утро выходящей из Кабинетов⁷⁶. Она отправлялась переодеваться в свою гостиницу и возвращалась к Королю после ужина. (...) (г-н де Сент-Флорантен) добавил, что эта мадам Дюбарри была девицей, Плут Дюбар-

⁷⁵ Сент-Флорантен, Луи Фелипо де (1705–1777) – граф, потом герцог де Лаврийер. В течение пятидесяти лет был государственным секретарем королевского дома, в 1751 году был назначен государственным министром, 22 июня 1770 года возведен в герцоги. Это возвышение было знаком доверия к человеку близкому к д’Эгильону (он был его дядей), на которого тогда резко нападал парламент Рена (см. приложение I, с. 356). Кроме того, возведение в герцогское звание семейства Фелипо (на королевской службе со времен Генриха IV, но выходцы из судейских) означало, что, какими бы путями человек ни поднимался на эту должность, пост государственного секретаря с той поры давал возможность стать герцогом.

⁷⁶ Кабинеты, или личные покои.

ри дал ей свою фамилию, шикарный экипаж, лакеев в галунах. Она говорила, что вышла замуж за одного из его братьев, которого никто никогда не видел и который был подставным лицом и бессловесным персонажем этой комедии. Г-н де Сент-Флорантен сказал мне также, что в Париже эту девку зовут Ангелом, она – незаконнорожденная дочь служанки и одного монаха, работала на улице и отдавалась всякому лакею, а потом ее взял на содержание Плут Дюбарри, у него она обслужила большое число клиентов. Лебель, камердинер Короля, хотел ею обладать и для этого пригласил к себе на ужин, где Король и увидел ее через стеклянную дверь. С этого момента Король очень ее возжелал и, несмотря на протесты Лебеля, заставил приехать в Версаль и Компьень, Она проводила с Королем дни и ночи. Я рассказал г-ну де Сент-Флорантену все, что я знал об Ангеле, даме Дюбарри. Она сама рассказала мне о своей свадьбе, которая была то ли настоящей, то ли фиктивной: Плут Дюбарри хотел извлечь выгоду для себя и своей семьи, подсунул эту шлюху Королю и, видимо, считал, что замужняя женщина придаст этой интриге больше доверия. Впрочем, коль скоро эта девка носит фамилию Дюбарри, семья, естественно, будет благодетельствована Королем. Но несмотря на фамилию Дюбарри, свои карету, гербы и ливреи, которые выставляла в Компьене, на самом деле она вышла замуж только в конце этого путешествия перед поездкой в Фонтенбло. Мы с г-ном де Сент-Флорантенем погоревали по тому, что Король так увлекся этой

девкой, такой мерзкой тварью, которая не подходила ему ни по возрасту, ни по рангу, ни по состоянию здоровья. Но мы и не думали, что такая низкая интрижка могла иметь продолжение, и полагали, что это была временная фантазия. Мы пожелали друг другу, чтобы Король успешно ее пережил и это стало последним всплеском его тяги к дурной компании, свидетелями коей были все.

Во время возвращения из Компьеня только и было разговоров, что об этой новой интрижке. Все осуждали бесстыдство дамы Дюбарри, появлявшейся на людях с уверенностью дамы, находящейся на содержании у могущественного человека. Но никто и подумать не мог, что этот каприз будет иметь последствия и не приобретет никакого влияния ни на дела, ни на людей вокруг Короля. Все считали, что уделом этой девки станет судьба двадцати других, более честных девиц, запертых в «Оленьем парке» Версаля, которые предназначались, чтобы предоставлять удовольствия Королю.

Потом, при переезде из Компьеня в Фонтенбло⁷⁷, об этой женщине говорили мало...

(Франсуаза Клер⁷⁸ Дюбарри, «Дневник»,

⁷⁷ См. примечание 1 на с. 74.

⁷⁸ Дюбарри, Франсуаза Клер, по прозвищу Шон, – сестра Жана Дюбарри, родилась в 1733 году. Она была некрасива, имела искривление позвоночника, но очень умна. Она была прикрытием и советницей Жанны в начале ее связи с королем, позже сумела привлечь к себе внимание короля и стала близким ему человеком, забавляя его остротами и шутками.

2 сентября 1768 года)

Она еще красивее, чем мне ее описал брат. Нет ничего более прекрасного, чем ясность ее взгляда и лицо, которое может заставить поверить в полную наивность и безупречную скромность. В ее голосе слышится смех, а солнце навсегда застряло в волосах. Белизна лица и нежность ее кожи сравнимы с грудным младенцем. Самое необычное в том, как она говорит о своих любовниках: словно маленькая девочка о куклах и волчках. Никто, и главное, она сама, не смог бы сказать, сколько мужчин попользовались ее чарами. Но она с необыкновенной невинностью говорит о крайне постыдном, потому что от природы сладострастна, и все ее поведение показывает, что лучшая черта ее характера открывается в интимности алькова.

Это любезное создание радушно открыло мне свое сердце. И если она не доверила мне пока все тайны, то только потому, что они слишком интимны, чтобы о них можно было говорить спустя несколько дней после знакомства. Ей особенно нравится говорить о новом рабе ее чар, поскольку она сильно им увлечена и живет под воздействием сбывшейся мечты. Жанна произносит имя любовника только по секрету, но эту тайну она старается рассказать всякому встречному, о чем все говорят как в Париже, так и при Дворе.

Толстый Гильом⁷⁹ наконец-то уехал. Он приезжал только

⁷⁹ Кроме Шон и Жана (или Жан-Батиста), рожденного в 1723 году, семейство

за благословением на время, пока меняли лошадей его экипажа. Потом ему пришлось отправиться восвояси с грузом обещанных вскоре эю. Но Королева умерла, пока его лошади еще фыркали, и все королевство надело траур по этой монархине, которую все любили за то, что она никогда не показывалась на людях и за сорок лет не произнесла и трех слов.

Бедный Гильом, чей мозг заплыл жиром еще больше, чем его талия! Жанна с трудом сдерживала смех при виде столь прекрасного жениха. Жан-Батист опасался, не придет ли в голову нашего недалекого братца какая-нибудь галантная мысль и не захочет ли он воспользоваться своими супружескими правами после так называемой женитьбы.

В июле, хвала Небу, Двор, как это бывает ежегодно, перебрался в Компьень, несмотря на траур, который все с приговорством соблюдали. Жанна была приглашена следовать за Королем. Свое тайное проживание там она превратила в ослепительный триумф, поскольку невозможно заставить молнию не сверкать, а гром не греметь.

Поэтому наш бедный Гильом стал рогоносцем еще до того, как женился. Он потребовал дополнительно пятьсот эю за моральный ущерб, чтобы не броситься с отчаяния в Сену. Как всегда рассудительный, Жан-Батист решил искоренить это зло и отвел брата к мамаше Гурдан, где, как гово-

Дюбарри насчитывало: Жанну-Марию, по прозвищу Пищи, родившуюся в 1727 году и прославившуюся красавицей; Гильома, 1732 года рождения, будущего мужа Жанны; Эли-Николя, рожденного в 1742 году, единственного честного человека в семье, который держался в стороне от интриг Жана.

рят, приличные люди проходят практику. И там наш Гильом почти каждую ночь «женился» на самых красивых девицах этого благородного заведения.

Но вот Жанна наконец вернулась. Вот она и замужем. Вот Гильом сел в карету, и кучер взмахнул кнутом!

Версаль, 2 сентября 1768 года

(от Ришелье, генерал-лейтенанту полиции Антуану де Сартину)

Господину де Сартину.

Мне известно, мсье, что очень влиятельное лицо⁸⁰ осаждает вас просьбами показать Королю донесения г-на Марэ относительно дамы, которой сегодня многие интересуются. Смею утверждать, что эта интрига не ускользнула от внимания нашего повелителя, чья бдительность распространяется как на значительные, так и на мелкие дела. Полагаю, что Королю неприятны слухи, порочащие репутацию указанной дамы. Он полон решимости продемонстрировать свое доброе расположение к ней, какими бы ни были попытки отвратить его от нее. Из всего услышанного можно сделать вывод: Король не желает разбирать, что тут правда, а что вымысел, и, чтобы никогда больше к этому не возвращаться, намерен считать вымыслом все, что ему будут говорить об этой особе, как плохое, так и хорошее. Он не желает слышать плохое,

⁸⁰ Здесь речь может идти только о Шуазеле.

дабы это не оскорбило его дружбу с ней. Не стоит говорить про нее и хорошее, потому что эта особа не нуждается в дополнительном укреплении его доброго расположения.

Я вовсе не собираюсь говорить от имени Короля. Никто в мире, даже Министр, о котором идет речь, не посмеет присваивать себе столь большую привилегию. Однако никто не посмеет и отрицать, что, встречаясь с ним почти ежедневно и имея честь говорить наедине⁸¹, я не могу знать все его мысли и, таким образом, предугадать его желания.

Под вашим руководством, мсье, находится служба, наилучшим образом организованная и надежнейшим образом работающая, что выделяет ее из всех служб королевства. Конечно, редко случается, чтобы документ одного из ваших инспекторов мог затеряться или быть случайно уничтожен. Но все же знайте, что Король воспринял бы такое происшествие с полнейшим безразличием и к виновному в этой утере отнесли бы снисходительно.

Остаюсь, господин генерал-лейтенант, покорным и преданным вашим слугой, а также слугой нашего владыки.

Ришелье.

3 сентября 1768 года

(от Сартина, Ришелье)

⁸¹ В тот год герцог де Ришелье стал первым по возрасту дворянином на службе у короля. Это положение давало ему право постоянно быть при монархе и, согласно этикету, участвовать во всех повседневных делах от восхода до заката.

Мсье,

Я приказал г-ну Марэ собрать все доклады и записки, относящиеся к очаровательному предмету вашей прошлой любви, вашей сегодняшней заботы и, несомненно, вашей вечной признательности. Г-н Марэ ответил мне на это, что ему показалось уместным несколько недель тому назад сжечь все эти бумаги, которые занимали слишком много места в его папках и ящиках стола.

После того как я потребовал у него объяснений, поскольку моя должность вынуждает меня быть требовательными к подчиненным, г-н Марэ заявил, что не знает и никогда не знал никакой девицы Воберье по прозвищу Ангел, что этой особы никогда не было на свете, поскольку ее существование не могло остаться незамеченным для такого человека, как он, способного наизусть в любое время суток сказать, с кем и в какой постели спит каждый из двадцати пяти миллионов поданных Его Величества.

Посему, мсье, имею честь заверить вас, что ваша просьба не имеет основания и что, соответственно, ваши хлопоты беспочвенны.

Весьма вам преданный, Сартин.

Версаль, 4 сентября 1768 года

(от Ришелье, Сартину)

Господину Сартину.

Благодарю вас, мсье, за вашу расторопность и четкость объяснений. Значит, эта Вобернье или Ангел, как ее звали некоторые, существовала только в слухах, распускаемых врагами истины, порядка, добродетели. Это мифическое создание не имеет никакого отношения к графине Дюбарри, которую мне недавно представили.

Мне сказали, что эта соперница Граций едва успела выйти замуж, когда Король заметил ее и проникся к ней бурной страстью. Все случилось столь быстро, что застигнутый врасплох муж не смог иметь удовольствия вступить в свои законные права, предоставив Королю право первой ночи с очаровательной нимфой. Не это ли самое яркое проявление уважения и покорности, которые поданный может проявить по отношению к своему монарху? Разве это не подтверждение божественного дара нашего горячо любимого властелина излечивать золотушных простым возложением на них рук и делать невинными девиц почти столь же простым способом?

5 сентября 1768 года

(от Сартина, Ришелье)

Мсье,

Памфлет, только что прочитанный мною, не будь он плодом умнейшей головы, мог бы привести автора в Бастилию.

Вольность, с которой я позволяю себе так выражаться, говорит об уважении, какое я к вам испытываю. Посему позвольте ответить вам в том же тоне. Во-первых, пока мадам Дюбарри развлекает Короля, она будет оставаться самой благодетельной девушкой королевства. Это, возможно, продлится еще неделю, а потом о ней никто больше говорить не будет. Во-вторых, г-н де Сартин – генерал-лейтенант полиции, и он не потерял и не сжег донесения относительно г-на герцога де Ришелье, а это, напротив, продлится гораздо дольше недели. Ваш преданный слуга,
Сартин.

6 сентября 1768 года
(от Ришелье, Сартину)

Это продлится гораздо больше недели, господин генерал-лейтенант полиции, и я желаю вам оставаться в милости столь же долго, как и я.

Я знаком с графиней Дюбарри не так давно, но мы уже успели заключить с ней, если можно так выразиться, некое соглашение. Но уже сегодня я могу утверждать, что ее прелести, ее чары и ласки представляют собой качества весьма полезные для управления нацией: от этих прелестей зависит настроение, хорошее или плохое, нашего монарха.

Король правит Францией. Покойная мадам де Помпадур правила мыслями Короля. Молодая графиня сегодня пра-

вит его чувствами. Эта власть поистине абсолютна, поскольку опыт показывает, что удовольствие Короля – единственная конституция королевства. Это придает нашему повелителю более величественную и законную власть, чем само божественное помазание. Вместо того чтобы ссориться друг с другом, мсье, и обмениваться проявлениями плохого настроения, давайте лучше начнем вместе работать по мере возможности над управлением той, что правит нами, защищать ее от тех, кто старается ее погубить, научим ее тому, что ей необходимо вне постели и чего она еще не знает.

Весьма преданный вам, Ришелье.

Из Компьяня

(от Жанны, Франсуазе Клер Дюбарри)

Моя милая Шон,

Теперь у меня два лакея в расшитых золотом шелковых камзолах. Они следуют за мной повсюду, показывая мое новое положение. Они идут позади, когда я покидаю маленькие Кабинеты, где провожу ночь. Они провожают меня до гостиницы, где меня ожидает ванна, один большой чан с теплой водой и другой – с холодной. Цинковая ванна доставлена из богадельни и, как мне сказали, не использовалась уже целое столетие.

Здесь люди очень уважают лакеев, шелка, карету и толпятся вокруг меня, полагая, что представление, которое я им

устанавливаю, долго не продлится.

Глядя, как я прохожу мимо, они восхищаются розовым цветом бриллиантов на моей груди и теряются в догадках: за какое время эти сверкающие капельки испарятся на солнце? За неделю? За месяц?

Но ванна моя и пахнущая амброй и мускусом вода вызывают еще более бурные комментарии и порождают еще более нелепые небылицы: не является ли она котлом, куда дьявол бросает грешников?

Люди в гостинице, а также придворные никогда ничего подобного не видели: служанки и крестьянки черпают воду из ведра руками и протирают лицо. Что же касается маркиз и герцогиня, то они заботятся только о белизне своих кружев, за которыми ухаживают очень тщательно, в то время как остальное тело покрыто грязью и чопорностью.

Главный Министр находится здесь уже несколько дней. Он делает вид, что не узнает меня, хотя я и была у него на аудиенции в Версале⁸² шесть недель тому назад. Он рассчитывает, что Король скоро прогонит меня, что я ему надоем, как это было с сотнями женщин до меня, но тут он глубоко ошибается.

Он думает погубить меня, распространяя слухи, что я продажная девка, о чем никто другой не посмел бы сказать вслух, хотя никто этого не смог бы и отрицать. Он уверяет, что Король единственный, кто ничего об этом не знает, хотя

⁸² См. примечание 2 на с. 74.

и тут он тоже ошибается. Он уверен: если Король не огорчен моим прошлым, то разочаруется и в наслаждениях, которые я ему доставляю. И тут он опять-таки ошибается, поскольку новый любовник, пусть он уже и не молод, очень любит непознанные еще удовольствия, и ему все равно, что их обычно доставляют в борделях.

Как поживает мой толстый суженый? Побеспокойтесь о том, чтобы его брюхо не лопнуло до свадьбы, которая уже скоро. Я хочу, чтобы жених был чист и благопристойен, по крайней мере в течение одного часа. Пусть воздержится от частых посещений салона Дюкенуа или других увеселительных заведений. Пусть, в конце концов, будет самым лучшим из мужей: он уже рогоносец, что не так уж и плохо. Он должен быть также добродетелен, экономен и, главное, скромен.

Естественно, я хочу этого только на время. Пусть потом возвращается в Гасконь, где мы дадим ему возможность снова стать гасконцем, напиваться в стельку и есть чеснок...

Я не стал здесь соблюдать хронологию, решив привести это письмо Жанны из Компьеня, датированное точно июлем 1768 года, после обмена письмами в сентябре некоторыми участниками интриги. Письмо Жанны как бы заранее подводит итог всем событиям и спорам, которые назревали. Непосредственный и насмешливый тон вполне свойственен нашей красотке, и его также приятно читать. Она совершенно лишена серьезности. Эта восхитительная безза-

ботная девушка видела далеко и оценивала все правильно. В тот момент, когда он мог легко ее погубить, Шуазель решил игнорировать новую любовницу Короля. Кастовые предрассудки и гордость помешали Министру правильно оценить ситуацию. Он решил, что Жанна была слишком низкого происхождения и станет для Короля лишь развлечением безо всякого будущего.

23 июля был подписан брачный контракт Жанны и Гильома Дюбарри. Его статьи были крайне необычными и направлены на четкое разделение имущества и даже тел будущих супругов. Свадьба была отпразднована 1 сентября, объявления были помещены в парижских церквях Святого Евстахия и Святого Лаврентия. Священник, освятивший этот странный союз, звался Жан-Батистом Гомаром де Вобернье, и есть основания полагать, что он был тем самым «монашком», о котором упомянул Шуазель в своих «Мемуарах», то есть родным отцом Жанны. В составленном после этого брачном свидетельстве в качестве ее отца был указан другой Гомар де Вобернье, предполагаемый брат священника.

Не имея возможности выйти замуж за своего уже женатого любовника, Жанна была вынуждена довольствоваться братом. Поскольку настоящий ее отец был монахом и не мог признать свое отцовство, ей также пришлось принять в качестве родителя его гипотетического брата. Таким образом, эта интересная женщина вовсе не была той, за кого

себя выдавала. И все же в ее лжи была доля правды, а в ее генеалогическом древе – некоторая истина. Можно ли лучше сказать, что Жанна была выдуманым человеком, персонажем некоего романа. Надуманные обстоятельства ее рождения не столько походили на правду, сколько напоминали выдумку, нечто вроде мечты. А случаю, удаче и талантам этой женщины угодно было сделать так, чтобы на протяжении всей жизни правда и вымысел чередовались друг с другом и сказка о ее дворянском титуле стала реальностью, пусть даже для этого и пришлось слегка поправить судьбу. Графский титул, полученный дочерью «служанки и монаха», был вполне подлинным. Он был лишь первой ступенькой в ее небывалом восхождении наверх: хотя Жанна и была «почти женой» своего первого друга или «почти дочерью» предполагаемого отца, это не помешало ей в возрасте двадцати четырех лет стать «почти королевой» самого могучего государства Европы.

Версаль, 12 декабря 1768 года

(от Ришелье, Сартину)

Мсье,

Некоторые гнусные песенки, которые нам приходится слышать, заставляют сожалеть о дурной прозе г-на Марэ. Если вы не знаете авторов этого, что на вас не очень похоже, вы будете единственным, кто ничего не знает об их проис-

хождении, и в это верится с большим трудом. Вы некогда говорили, что можете отправить в Бастилию некую безумную голову: вы могли бы с пользой реализовать этот план в отношении поэтов, о коих я вам сообщаю, зная, что их меценат почти ежедневно бывает гостем нашего монарха в малых Кабинетах и пока не ищет другого места пребывания. Знайте же однако, что Король не станет долго терпеть, чтобы покрывали грязью даму, которой он всенародно оказывает знаки дружбы. Вам следует сделать так, мсье, чтобы никто больше не слышал об этих недостойных стихах и об их исполнителях: таков приказ Короля, чье настроение надеюсь передать вам. Вам не стоит опасаться г-на де Шуазеля, стоящего чуть выше вас, потому что вас просит об этом Король, стоящий намного выше него.

Версаль, 15 декабря 1768 года

(от Ришелье, Жану Дюбарри)

Милейший,

Вот расписка на двадцать тысяч ливров на имя банкира Божона. Знай, эта награда идет с самого верха и сопровождается непременным условием, что больше ты требовать ничего не станешь. Подумайте над этим письмом и постарайтесь не забывать: содержащиеся в нем упреки исходят из того же источника, что и эта тысяча луидоров. Та же рука протягивает их тебе сегодня, а завтра может схватить за шиворот и

бросить за одну из тех стен, что защищают скорее не от холода, а от долгов, где люди восстанавливают свою репутацию одновременно с приобретением ревматизма.

Париж, 18 декабря 1768 года

(от Жана Дюбарри, Ришелье)

Господин маршал-герцог,

Я получил заслуженное оскорбление в виде тысячи луидоров, которые вы мне всучили. Но раз вы не являетесь автором этой подачки, то я не стану требовать от вас объяснений: эти деньги пахнут или, лучше сказать, благоухают ароматом, который нам с вами хорошо знаком.

Я напишу нашему Ангелу, чтобы поблагодарить ее за доброту. Постараюсь найти самые нежные слова на подметках своих сапог подобно тому, как она сама некогда нашла свое очарование и воспитанность на грязных простынях мамыши Гурдан.

Париж, 18 декабря 1768 года

(от Жана, Жанне Дюбарри)

Мадам,

Я прочел, поразмыслил и теперь еще размышляю над этим ужасным доказательством вашей неблагодарности. Теперь вы – графиня, хотя в злобных стихах вас называют шлю-

хой. Вы перенесли свои вещи в комнату нашего покойного друга Доминика и каждую ночь спите в малых Кабинетах. Но вы достаточно много путешествовали, чтобы оказаться там, и можете пропутешествовать еще долго, посему держите чемоданы в готовности.

Но, хотя от уличной девки до графини в этой стране и в этом веке всего один шаг и у вас уже два лакея в ливреях с галунами и герб, чья краска еще не успела высохнуть на вашем кресле⁸³, помните, что именно я помог вам сделать этот шаг и нанял этих лакеев, именно я придумал ваш многовековой герб: сойка, сидящая на двух скрещенных розах.

Я есть и всегда буду вашим прошлым, мадам, поскольку вы лишаете меня права существовать в вашем настоящем. Я буду следовать за вами как тень, поскольку вы не даете мне возможности уехать куда-либо.

Мои советы и поддержка вам так помогли, что вы больше в них не нуждаетесь и ими пренебрегаете, что даже с ними не ознакомились. Пусть так! Но вам их будет не хватать, подумайте об этом! Вы вскоре пожалеете, что отдалили меня. Всегда вам преданный, я буду неподалеку. Вы найдете меня в ваших чемоданах в тот день, когда вновь их раскроете, потому что именно там я буду вас ждать, мадам.

Шуазель прождал до осени, с началом боевых действий против новоиспеченной графини. Но от этого его атака не

⁸³ Надо полагать, портшез (легкое переносное кресло, вид паланкина).

стала менее яростной. Министр использовал самые агрессивные и низкие приемы: памфлеты, похабные песенки, дойдя даже до комедий, которые стали ставиться в театрах и кабаре. Соотношение сил было не в пользу Жанны. Что она могла противопоставить самому влиятельному, трижды министру⁸⁴ Шуазелю? Жанна была не чем иным, как «временной прихотью», жила только капризом Короля, у которого, как известно, было до нее много временных привязанностей.

За каждым поступком новой королевской любовницы внимательно следили, каждое ее слово крайне превратно истолковывалось не только ее врагом и приспешниками, но и всеми, кто попрекал ее простым происхождением, скандальным прошлым, головокружительным и неуместным взлетом.

Инспирированные Шуазелем песенки и проза были настолько гадкими, что я не хочу даже цитировать их. Дурная проза и злые вирши, вульгарные чувства, пошлость и т. п. Шуазель показывает нам, что, к несчастью, крупный сеньор может быть не только «злым человеком» подобно Дон Жуану, но и может опуститься, если нужно, до уровня проходимцев, чьи услуги он оплачивал, чтобы удовлетворить свои желания. Самым низким из них была, несомнен-

⁸⁴ Министерские обязанности Шуазеля распространялись также на армию и дипломатию: его главный замысел – союз с Австрией – был воплощен в жизнь через женитьбу дофина и эрцгерцогини Марии Антуанетты.

но, ненависть: ее у Шуазеля было достаточно, раз в своих «Мемуарах» он дошел до оскорблений самого Короля и запачкал его самыми недостойными аргументами. Очевидно, Министр только и ждал своей опалы и ссылки, чтобы напасть на Жанну.

Он был не одинок. Сам Дюбарри постарался уколоть свою ященицу и бывшую любовницу в песенке, которая гуляла по Парижу и имела некоторый успех. Причины возникновения этих стихов были крайне непорядочными, если судить по тому, что нам известно о Жанне и Плуте. Но зато их композиция свидетельствует об определенном таланте и показывает некую строгость тона. Но судите сами по этому отрывку:

Распутница,
Откуда гордость ты черпаешь?
Монарха спутница,
Зачем в достоинство играешь?
Когда жила ты только массою одной
Отца, монаха бедного Гомара,
И торговала мать, Рансон, собой,
Чтобы тебе добыть кусочек сала,
Такой горячкою ты вовсе не была
Да и от матери недалеко ушла.
Забудь же ты на время гонор свой
И графское чело склони, хотя б передо мной.
Собою снова стать ты наберись же сил,
Чтобы несчастий страшных избежать.

Позволь тому, кто так тебя любил,
Тебе простейшие сабо презентовать.
Распутница,
Ужель так уязвлен мой разум?
Монарха спутница,
Ужель ты все забыла разом?

Нам известно, какими трудными были первые дни пребывания Жанны при Дворе. Конечно, причиной этого было ее «низкое происхождение», но трудно сказать, было ли это пренебрежение следствием низкого положения ее матери, которая, по словам Плуто, была кухаркой и «торговала собой», или же это был отголосок из прошлой жизни у мамыши Гурдан и других менее известных сводниц. Люди «этой страны», как они сами себя называли, презирали женщину из народа и бесстыдную девку. Нельзя исключать и того, что для многих из них отсутствие добродетели было, вопреки всякой морали, преступлением намного меньшим, чем принадлежность к низшим слоям общества. Не было большой разницы между проституткой, которой платят деньги, и служанкой, которой пользуются бесплатно. Можно только утверждать, что вторая обходится намного дешевле.

Цинизм этого общества был настолько очевидным и естественным, что выражался с некоторой наивностью. Дебют дамы Дюбарри при Дворе сопровождался достаточным количеством свидетельств. Разброс суждений относи-

тельно Жанны простирается от поддержки ради забавы со стороны Ришелье, бывшего одним из самых первых и постоянных «клиентов» новой придворной, до ненависти довольно неблагородного Шуазеля, не сумевшего скрыться под маской чистого и элементарного презрения.

Из всех описаний и рассказов о нашей героине я выбрал отрывок из «Мемуаров» госпожи Кампан⁸⁵, который и предлагаю вашему вниманию. Точность описания, несомненная правдивость изображения говорят нам как о самой художнице, так и о ее модели. О Дворе конца правления Людовика XV и о последней любовнице Короля. Именно в таком «групповом портрете» Жанна вырисовывается наиболее четко просто по причине контраста с «фоном», чьи холодные тона резко отличаются от нежных и чувственных тонов нашей основной героини.

⁸⁵ Мадам Кампан, урожд. Луиза Анриетта Жене (1752–1822) – дочь первого чиновника в Министерстве иностранных дел. Она знала английский, итальянский языки, умела петь и хорошо читать. Репутация воспитанной девушки позволила ей в пятнадцать лет занять должность чтицы при дочерях короля. Спустя три года после этого ее взяла к себе на службу дофина Мария Антуанетта, сделав своей подругой и доверенным лицом. Анриетта вышла замуж за Пьера Бертолле-Кампана, придворного офицера Марии Антуанетты. Таким образом, чета Кампанов полностью посвятила себя служению королеве. Пережив годы террора, мадам Кампан в 1807 году была назначена директрисой дома в Экуане, где организовала обучение девочек из семей новой аристократии. Написанные ею «Мемуары» и «Воспоминания, портреты и истории» считаются одними из самых ценных документов о последних годах правления Людовика XV, о правлении Людовика XVI и начале революции.

После кончины мадам де Помпадур Король жил один, поэтому враги герцога де Шуазеля не знали, в каком салоне и какими путями они могли бы подготовить и реализовать падение столь ненавистного им человека. Король имел отношения только со столь низкими женщинами, что использовать их для продолжительной интриги не представлялось возможным. (...)

Тогда было решено найти Королю любовницу, которая могла бы иметь свое общество и из ее салона можно было бы посредством ежедневных инсинуаций повлиять на давнюю привязанность Короля к герцогу де Шуазелю. Правда, мадам Дюбарри нашли среди довольно низкого класса. Ее происхождение, воспитание, привычки – все было вульгарным и постыдным. Но девицу выдали замуж за человека, чья родословная начиналась в четырнадцатом веке⁸⁶, и посчитали, что тем самым скандал замяли. Этой грязной интригой руководил победитель при Маоне⁸⁷. Любовницу выбрали очень удачно, скрасив последние годы жизни мужчины, которому надоело величие, который устал от удовольствий и пресытился сладострастием. Казалось, что ум, таланты, очарование маркизы де Помпадур, ее редкая красота и любовь к Королю никогда не смогут возыметь воздействие на этого изношенного человека.

⁸⁶ ...чье дворянство уходило корнями по меньшей мере в XV век.

⁸⁷ Административный центр острова Минорка. В 1756 году Ришелье овладел этой крепостью, которая была в руках у англичан.

Ему нужна была некая Роксалана⁸⁸ с фамильярной веселостью, не уважающая достоинство монарха. Мадам Дюбарри до такой степени забыла о приличиях, что однажды пожелала присутствовать на заседании Государственного совета. Король проявил слабость и согласился. Она сидела на подлокотнике кресла и совершала ребяческие выходки, которые должны нравиться старым султанам.

В другой раз она выхватила прямо из рук Короля целую стопку еще не распечатанных писем, среди них она узнала письмо достойного графа де Брогли⁸⁹. Она сказала Королю, что этот противный Брогли плохо отзывался о ней, и хотела быть уверенной, что хотя бы в этот раз Король не прочел ничего плохого о ней. Король пожелал вернуть назад стопку писем, но фаворитка не позволила и заставила его два или три раза обежать следом за ней стол, стоявший посреди за- да заседаний, а затем подошла к камину и бросила письма в огонь, где те и сгорели. Король пришел в ярость: он схватил

⁸⁸ Роксалана (ок. 1505–1558) – любимая жена султана Сулеймана Великолепного. Ее политические амбиции и желание посадить на трон своего сына заставили совершить многие преступления.

⁸⁹ Брогли, Шарль Франсуа де (1719–1781) – граф, посол в Польше, потом начальник тайной канцелярии короля с 1767 по 1773 год. Эта должность, дававшая доступ к кодированной дипломатической корреспонденции, была довольно опасной и, по общему мнению, придавала ему чрезмерную власть. Он был одновременно тенью, двойником и, следовательно, соперником министра иностранных дел. После назначения на этот пост д'Эгильона в 1771 году герцог, а потом и мадам Дюбарри перестали доверять Брогли, о чем свидетельствует здесь мадам Кампан.

свою смелую любовницу за локоть и выставил за дверь, не произнеся ни слова. Мадам Дюбарри решила, что попала в немилость. Вернувшись в свои покои, она два часа провела в сильном беспокойстве. Потом к ней пришел Король, графиня в слезах бросилась к его ногам, и он все простил.

(...)

Граф Дюбарри по прозвищу Плут и мадемуазель Дюбарри⁹⁰ давали Жанне советы или, скорее, подсказывали ей замыслы маршала де Ришелье и герцога д'Эгильона. Иногда они даже заставляли ее действовать в нужном направлении при принятии важных политических решений. Под предлогом того, что паж, который сопровождал Карла I в изгнании, носил фамилию *Дюбарри* или *Бэрримор*, в Лондоне для графини Дюбарри был куплен прекрасный портрет, сегодня он находится в нашем Музее. Мадам Дюбарри повесила его в своем салоне, а когда увидела, что король в таком гневе, что готов разогнать парламент и сформировать другой, названный позже парламентом Мопо⁹¹, посоветовала ему взглянуть

⁹⁰ Франсуаза Клер, или Шон. Мнение мадам Кампан, по крайней мере, тенденциозно, то есть ошибочно. Она приписывает слишком большое влияние Плуту, которое тот вовсе не оказывал на Жанну, разве только для того, чтобы добиться новых денег от короля, находившего очень неудобным этого ненасытного родственника. Что же касается Жанны, то она никогда прямо не встревала в политические дела, хотя время от времени каждый пытался ею манипулировать с этой целью.

⁹¹ См. приложение I, с. 356, и приложение IV, с. 367.

на портрет короля, который пошел на уступки своему парламенту.

«Мемуары» мадам Кампан, где дается этот настолько лишенный снисходительности портрет Жанны, были написаны после страшных событий[у стоявших жизни ей и многим ее врагам. Но все же ни время, ни смерть дорогих ее сердцу людей, что могло бы примирить давних противников не уменьшили враждебности автора мемуаров к Жаннеу жертве предрассудков «этой страны». В последние годы существования монархии при Дворе царствовали роскошь и при этом ужасная мелочность.

Из трех рассказанных историй: о заседании Совета, о брошенных в огонь письмах, о покупке портрета Карла I, по меньшей мере, первая и третья соответствуют истине. Ложь, недоброе отношение видны в освещении фактов, но не в изложении событий. Летописец более доброжелательный или просто более объективный, чем мадам Кампан, подчеркнул бы тот факт, что, в отличие от Помпадуру которая лезла во все дела и утверждала, что правит страной от имени Короля, Жанна присутствовала на заседаниях Совета просто потому, что они часто по желанию Короля проходили в ее покоях. Она не высказывала на них никаких мыслей и суждений, способных повлиять на политику. Пусть фаворитка вела себя смешно, пусть неловко пыталась привнести в них некую веселость, но разве этот

промах настолько непростителен, что о нем стоит говорить спустя десятилетия?

Мадам Кампан явно не была подругой новоиспеченной графини Дюбарри. Даже само положение нашей мемуаристки, официальной чтицы дочерей Короля, а затем первой горничной королевы Марии Антуанетты, ставило ее в ряды противников Жанны.

Неприязнь, которую королевские дочери единодушно испытывали к «шлюхе» своего отца, была все же умеренной, по меньшей мере, в проявлениях, вследствие их посредственного умственного развития и недостаточного воспитания. Хотя, как и все при Дворе, они были обуреваемы пристрастием к интригам, в этом особого таланта не проявили. Король, их отец, питал к ним любовь, но совсем их не уважал. Он относился к ним с некой отцовской нежностью и беззастенчивостью, с какой, если можно так выразиться, относился к домашним животным.

Враждебное отношение королевских дочерей к новой любовнице Короля не беспокоило. К тому же они почти совсем не имели возможности ей навредить. Все считали принцесс совершенно незначительными особами, и это они, безусловно, понимали и должны были страдать. Особенно несчастная Луиза, имевшая крайне невзрачную внешность; вероятно, она решилась уйти из Версаля от мира сего только для того, чтобы скрыться от сочувственных и снисходительных взглядов придворных и отчаянной любви самого Короля.

Но вот что сама мадам Кампан, их официальная чтища, написала о них:

Людовик XV очень редко виделся со своей семьей. Каждое утро он спускался по потайной лестнице в покои мадам Аделаиды, часто приносил туда кофе, который сам готовил. Мадам Аделаида дергала за шнур звонка, чтобы сообщить мадам Виктории о визите Короля. Мадам Виктория поднималась к сестре и звонила мадам Софии, а та в свою очередь звонила мадам Луизе. Покои принцесс были довольно большими. Мадам Луиза занимала самые дальние из них. Она была младшей дочерью Короля, очень маленькой и неказистой. Чтобы прийти на ежедневную встречу семьи, бедной принцессе приходилось бежать через множество комнат, и, несмотря на все усилия, она успевала лишь поцеловать отца, который сразу же уезжал на охоту.

Каждый вечер в шесть часов принцессы прерывали мое чтение и вместе с принцами отправлялись в покои Людовика XV: этот визит назывался *разувание короля* и сопровождался некоторым этикетом. Принцессы надевали большие каркасы, которые поддерживали их украшенные золотом или шитьем юбки, вокруг талии повязывали длинный шлейф и прикрывали нижнее белье большими накидками из черной тафты, доходившими им до подбородка. К Королю их сопровождали придворные, дамы, пажи, конюшии, слуги с огромными факелами. В одно мгновение обычно тихий дворец прихо-

дил в движение. Король целовал каждую принцессу в лоб, и этот визит был столь коротким, что чтение, прерванное этим событием, возобновлялось часто через четверть часа. Принцессы возвращались к себе, расшнуровывали завязки своих юбок, развязывали шлейфы, снова брали в руки свою вышивку, а я – книгу...

Летом Король несколько раз заходил к принцессам до часа *разувания*: однажды он застал меня в одиночестве в кабинете мадам Виктории и спросил, где Кош, а поскольку я широко раскрыла глаза, повторил свой вопрос, но я так ничего не поняла. Когда Король вышел, я поинтересовалась у принцессы, о ком он спрашивал. Виктория ответила, что отец говорил о ней, и терпеливо объяснила: поскольку она была самой толстой из дочерей, Король дал ей это шутливо-дружеское прозвище Кош (*Coske* – Свинка). Мадам Аделаиду он звал Лок (*Loque* – Лоскуток), мадам Софию – Грай (*Graille* – Рожок), а мадам Луизу – Шиф (*Chiffe* – Тряпочка). Только пикантный контраст мог подсказать Королю некий шутливый выбор подобных слов. Близкие к нему люди замечали, что таких слов он знал великое множество, как все полагали, заимствованных у своих любовниц...

Вот как все та же мадам Кампан описала пострижение в кармелитки мадам Луизы, поступка, который многие очевидцы посчитали или сделали виду что посчитали, добровольной жертвой дочери во имя спасения отца от скан-

дальной любовницы, поскольку Жанна Дюбарри была обречена гореть вечным пламенем в аду. А мадам Кампан здесь насмешливо намекает, что в этом поступке Луизы не было мотивации, это был всего лишь импульсивный поступок, вызванный желанием прославиться:

На протяжении нескольких лет мадам Луиза жила очень замкнуто. Я читала ей книги по пять часов в день. Часто голос мой уставал, в груди появлялась хрипота. Принцесса готовила мне сладкую водичку, ставила ее рядом со мной и извинялась, что заставляла меня читать так много, и объясняла это необходимостью закончить курс, который она себе предписала.

Однажды вечером, когда я читала, принцессе доложили, что с ней желал поговорить министр г-н Бертен⁹². Она немедленно вышла, потом вернулась, снова взяла в руки вышивание и шелк и дала мне знак продолжить чтение. Когда я уходила, она велела мне быть в ее кабинете ровно в одиннадцать

⁹² Бертен, Анри Леонар Жан-Батист (1720–1792) – генеральный инспектор финансов. Сменив на этом посту г-на де Силюзета, он провел огромную работу по составлению истории правления Францией. В 1762 году основал Кабинет хартий. Эта работа, порученная им Жакобу Николя Моро (историограф Франции), была не просто поучительной, но и исторической, дала возможность проследить во времени развитие политической и экономической жизни страны и подсказывала правительству, какие необходимо было принять меры. Этот орган был зародышем Комитета исторических и научных работ, основанного Гизо в 1834 году. Оглядываясь назад и устремляя взор в будущее, он явился также предтечей современного Национального института статистики.

часов следующего дня. Когда я туда пришла, принцесса уже уехала. Мне сказали, что в семь часов утра она отправилась в монастырь кармелиток в Сен-Дени, где хотела принять постриг. Тогда я пошла к мадам Виктории и там узнала, что только один Король был в курсе плана мадам Луизы, и он тщательно хранил эту тайну. Он долгое время противился ее желанию и свое согласие дал лишь накануне. Луиза одна отправилась в монастырь, где ее уже ждали. Через некоторое время она подошла к воротам монастыря и показала сопровождавшей принцессе де Гистель и своему шталмейстеру приказ Короля оставить ее в монастыре.

(...)

Этот поступок мадам Луизы люди толковали по-разному: кто-то несправедливо предположил, что ей надоело быть последней среди принцесс. Но мне кажется, что я поняла истинную причину этого. У нее была возвышенная душа, она любила все великое, часто прерывала мое чтение возгласами «Как это прекрасно! Как это благородно!» Принцесса могла совершить только одно великое дело – поменять дворец на келью, богатые одежды на монашескую сутану. И она это сделала.

Из Версаля, 3 января 1769 года

(от Ришелье, герцогу д'Эгильону)

Племянник,

По-прежнему ли баронесса де М⁹³ проявляет неумный аппетит к деньгам? Если она его не поубавит, тебе придется вежливо ей отказать и разнести по всему королевству молву о своем отказе, тогда она послушается тебя.

Однако наша Жанетон ежедневно испытывает тысячу обид, о которых нам известно, и еще множество других. Любая сколь-нибудь важная дама отказывается не только с ней говорить, но даже смотреть в ее сторону. Мадам де Грамон⁹⁴ говорит, что эта несчастная стала ничем и, когда идет по галереи, ни одно зеркало не отражает ее лица. Слова эти злы и глупы, как и особа, что их произносит. Но она не так далека от истины.

Наше несчастное дитя находится в таком отчаянии, что удовольствия Цитеры⁹⁵ внушают ей теперь только скуку. Еще неделя, и наш пухленький Ангел, как я ее называю, станет неприступной и согласится снять рубашку только для того,

⁹³ Монморанси де – баронесса. Когда ее попросили стать крестной матерью Жанны (при представлении королю), она за свое согласие выдвинула непомерные требования. То же самое сделали и графиня д'Алоньи, и некоторые другие дамы, чьи имена до нас не дошли.

⁹⁴ Грамон, Беатрикс де Шуазель-Стенвиль де – герцогиня, родная сестра Шуазеля, с которой, как говорили, он был в кровосмесительной связи. Она претендовала на место фаворитки после смерти Помпадур и с этой целью без колебаний влезла в постель короля, но он не проникся к ней страстью. Поэтому нет ничего удивительного, что ее ненависть к Жанне была еще яростнее, чем ненависть брата.

⁹⁵ Страна любви, сосредоточие культа Афродиты, остров.

чтобы продать ее у Лабилля⁹⁶. Король влюблен еще сильнее, чем когда-либо, поскольку устроен, как и мы, и как ребенок огорчен при виде слез своей красавицы. Но самое главное – он в гневе. За всеми этими происками стоит Шуазель. Этот человек вездесущ. Вероятно, именно его Король теперь находит у себя в постели каждую ночь вместо нашей красотки, которая теперь только и умеет, что стонать и жаловаться, как настоящий министр.

Из Парижа, 15 января 1769 года

(от Дюбарри, Жанне)

Мой высокопоставленный и славный друг,

Честь моя отмечена шрамами от ударов, которые вы нанесли. Не вам, моя милая, отрицать, что наказание было жестоким, поэтому я давно уже не могу сидеть. В Версале или в борделях Пале-Рояля человек одинаково страдает, а ваша очаровательная ручка никогда не наносила столь глубоких ран. Но не будем об этом!

Знайте, что после вашего королевского возвращения из Фонтенбло я стараюсь собрать все необходимые доказательства дворянского происхождения нашей семьи: мы доведем его до времен пророков, потому что мы, гасконцы, можем

⁹⁶ Знаменитый модный магазин La Toilette на улице Нев-де-Пети-Шам. Жанна некогда работала там продавщицей. Говорили, что ее красота привлекала в магазин множество горячих клиентов-мужчин.

насадить на шпагу сразу пятнадцать или тридцать веков и поджарить их, словно каплунов. Я нашел всяких Барри, Дюбарри, Дебарри между Перигором и Провансом. Я докопался до них даже в Калабрии. А вы хотя бы знаете, где находится Калабрия?

Самые интересные из всех Барри – ирландцы, как я и говорил вам в те времена, когда вы соглашались меня слушать. Я только что получил от лорда Бэрримора, главы нашей ирландской ветви, письмо с объяснениями нашего родства: «Мы, нижеподписавшиеся, подтверждаем знание традиций, которые сохранились в нашей семье, и заявляем, что в начале XV века во Францию прибыл Жан Дюбарри из семейства милорда Бэрримора и обосновался в Сен-Поле, неподалеку от Тулузы, где и основал ветвь нашего рода под фамилией Барри-Сер, и т. д.».

С этим, великолепная Юнона, вы можете сбросить розовые ленты и котильоны Жанетты ради олимпийской, славной и чистой наготы Королевы Небес, поскольку эти одеяния, несомненно, подходят вам лучше всего.

Был и остаюсь преданным слугой моей очаровательной вдовушки и свояченицы.

Из Версаля, 18 января 1769 года

(от Шон, Дюбарри)

Беарн поднял ставки еще выше, чем Монморанси: она

просит сто тысяч ливров и продвижение по службе для ее сыновей, которые, как говорят, являются офицерами кавалерии или что-то на военных кораблях Короля.

Д'Эгильон придерживается мнения, что надо соглашаться и заключать сделку как можно скорее, поскольку Шуазель начинает обходной маневр со стороны мамыши Гурдан. Эта дама обещала нам молчать, но нет уверенности, что она устоит перед мешками золота семейства Шуазель.

Все дело было в том, чтобы «представить» Королю его же любовницу Жанну. Став, благодаря замужеству, настоящей графиней Дюбарри, войдя в дом, чья родословная восходит, как мы только что видели, «ко временам пророков», Жанна могла совершенно официально быть при Дворе и входить в число приближенных Короля, ей предоставлялось право принимать участие в ужинах в малых Кабинетах. «Представление» было не простой формальностью, а одним из основных протокольных правил «этой страны». Однако для того, чтобы быть принятой при Дворе, Жанне недостаточно было просто предъявить доказательства своего новенького дворянства. Ей также нужна была крестная мать, которая взяла бы на себя «ответственность» за приобщение к сонму святых. Хорошая репутация крестной матери была достаточным залогом, а «плохая» репутация дебютантки могла пагубным образом сказаться на престиже и чести ее посредницы. Именно этим объяснялись

трудности «отыскания» редкой птицы, поэтому надо было заплатить за исполнение почетной обязанности крестной матери. А поскольку в данном случае речь шла о самом Короле и его удовольствиях, тарифы резко взлетели вверх. Ришелье и его племянник д'Эгильон упорно вели довольно постыдные переговоры с возможными крестными матерями, такими же продажными, как девки в «Опере» или в борделе мамыши Бриссо. А в это время клан Шуазелей, заклятых врагов Ришелье и Жанны, а значит, и официального представления, делал этим дамам весьма высокого происхождения и низкой морали заманчивые контрпредложения, что поднимало ставки еще выше. Однако в конце января удалось заключить соглашение с графиней де Беарн. Церемония была назначена на 25-е число того же месяца. С этого дня Жанна могла наконец официально «числиться» при Дворе, и зеркала Большой Галереи должны были согласиться отражать в своей бездне ее красоту. Жанна становилась официальной любовницей Короля и могла, если бы захотела, пойти по стопам Помпадур. Она уже занимала в этом дворце покои, которые стали свободными после смерти Лебеля.

Версаль, 25 января 1769 года

(от герцога д'Эгильона, маршалу де Ришелье)

Если только слух о несчастье не распространился быстрее, чем бегают носитель сего письма, знайте, что Беарн только

что подвернула лодыжку, поднимаясь со скамеечки для молений. Она рухнула на пол всем своим телом и весом, который мы неосторожно утяжелили сотней тысяч ливров. Теперь она не может ходить. Опасаясь, что об этом ужасном случае не станет известно, она так кричала, что с ума можно было сойти. Ее отнесли в покои и приставили трех хирургов, которые стали держать совет: накладывать гипс, делать примочки или отрезать ногу, чтобы избежать гангрены? Могут поспорить, эти господа будут менее глупы, чем обычно бывают врачи, и предпочтут ничего не делать и дать Беарн возможность в одиночестве переносить предполагаемую боль.

Версаль, 25 января 1769 года

(от Ришелье, д'Эгильону)

Крики вызвали стенания, которыми наша графиня огласила малые Кабинеты, они могли разорвать самое крепкое сердце. Никогда в Версале не слышали такого плача, за исключением дня, когда скончался великий Король, потому что стоны обеих наших дам, молодой и старой, нимфы и Горгоны, были вызваны горячими и искренними переживаниями.

Король думает вылечить Беарн длительным отдыхом в ее владениях, находящихся по меньшей мере в двухстах лье от Двора. Если эта мартышка в бриллиантах, по выражению Принца, считает лечение слишком радикальным и очень уда-

ленным от салонов, где она может потерять свои сто тысяч ливров от Фараона, Король предложит ей сменить очаровательную мансарду во дворце на гнусные покои в башне Венсенского замка.

Париж, 25 января 1769 года

(от Шон, Жанне)

Моя бедная Жанна,

Я только что узнала об этом досадном происшествии. Несколько строк, которые я царапаю в моей комнате, где укладывается сундук, ты получишь за час или два до моего приезда. Жан-Батист намерен сопровождать меня в Версаль, несмотря на запрет там появляться. Он полагает, что сможет быть полезным.

Мы знаем, что церемония представления несколько раз откладывалась из-за простого невезения, а также из-за большого нежелания и хитрости графини Беарнской. Вынужденная оправиться от вывиха по специальному приказу Короля, изложенному в запечатанном письме, та встала с постели и начала совершать прогулки в портшезе, опасаясь, что никто не поверит в ее вывих. И вот она уже готова появиться при Дворе. Это произошло 4 февраля.

Именно в тот самый день Король в свою очередь неудачно упал с лошади во время охоты в лесу Сен-Жермен. Все опасаясь

лись, что он сломал руку. В стане Шуазеля с удовольствием заговорили, что, без сомнения, Беарн вывихнула лодыжку из-за слишком подобострастного исполнения своих придворных обязанностей и развитого чувства предвидения. Однако рана Короля осложнилась. Боли стали еже более острыми, почти нестерпимыми. Рука продолжала опухать.

Беспокойство по поводу его здоровья утихло только через три недели. Потом еще две недели ушли на то, чтобы Король с рукой на перевязи смог вернуться к активной жизни. Наступил март. График проведения различных церемоний был расписан на полтора месяца вперед, включая, в частности, свадьбу герцога Шартрского⁹⁷. 21 апреля наконец, когда все уже решили, что эта церемония так никогда не состоится и звезда мадам Дюбарри сильно поблекла, а все враги уже предвкушали ее неизбежное и скорое изгнание, Король объявил: представление состоится утром следующего дня.

23 апреля 1769 года

(от графа де Мерси-Аржанто, посла Австрии, императрице Марии Терезии)

Ваше Величество,

Большое несчастье видеть, как великий Король вынужден

⁹⁷ Шартрский, Луи Филипп Жозеф – французский политический деятель, будущий Филипп Эгалите, герцог. 5 апреля он женился на мадемуазель де Пантьевр.

в течение целого часа ждать ту, ради кого собрались министры и послы. Придет ли она? Или больше никогда не появится? Этого не мог сказать никто. Увы, трудно было удержаться от смеха при виде ходившего взад-вперед с опущенной головой молчаливого Короля.

Вдохновитель этого фарса, маршал-герцог де Ришелье, представлялся Жокриссом⁹⁸, фланируя от своего повелителя до окна, через которое никого не было видно, возвращаясь к Королю, чтобы доложить, что никого не увидел. Наконец великий монарх скрепя сердце приготовился уже отменить церемонию, и это огорчило его намного больше, чем сдача Индии и Канады англичанам.

И вдруг появилась та, кого уже больше не ждали, настоящая жирандоль, сверкающая бриллиантами в сотни тысяч ливров, которые освещали ее с головы до ног. Причиной опоздания была голова, не то, что внутри или, вернее, чего там нет, а прическа: это было головокружительное сооружение из волос, служившее вазой для цветов, стебли которых стояли в маленьких бутылочках с водой, укрытых в шиньоне высотой в два фута. Именно из-за прически графини Европа, собравшаяся в большом кабинете Короля, сдерживала зевоту целый час.

Однако бывшая куртизанка проявила большое умение держать себя и прекрасно себя чувствовала во всех смыслах слова. Самые суровые критики вынуждены были снова

⁹⁸ Тип глупого слуги в старинных французских фарсах.

восхититься не только ее необычайной красотой, не только ослепительной элегантностью наряда, но особенной грациозностью ее походки и поведения: три принятых этикетом реверанса, сделать их безупречно, как известно, очень трудно, были выполнены чрезвычайно легко и изящно. Она всякий раз умудрялась ловко отбрасывать ногой подол платья, которое обычно бывает опасным препятствием и может привести к падению дамы и ее гордости. Но мадам Дюбарри прошла это испытание удачно, к большому удовлетворению партии Ришелье и Короля.

Если опоздание мадам Дюбарри было рассчитано, есть основания полагать, что графиня проявляет сообразительность не только в альковах. Я, как и г-н де Шуазель, думаю, что свадьба, которая так удачно соединит короны Франции и Австрии, не должна откладываться, поскольку с каждым днем становится все яснее: политическая воля Короля подчинена капризам его новой любовницы.

Остаюсь, Ваше Величество, вашим покорнейшим и преданнейшим слугой.

23 апреля 1769 года

(от герцогини де Грамон, герцогу де Шуазелю)

Дорогой брат,

Создание, которое бесчестит Короля, недолго будет наслаждаться своим субботним триумфом. Вас вчера не было в

королевской часовне, и посему вы пропустили любопытное зрелище, какое эта шлюха там устроила, сама того не желая. Судите сами: наша графиня в парадных одеяниях, в сопровождении двух лакеев, прошла через всю часовню и встала на колени на скамейку для молитвы мадам де Помпадур.

Эта глупая особа была так горда собой и своей новой славой, что вначале ничего не заметила.

Стараясь не запутаться в коленах своей новенькой родословной, она и не подозревала, что комедия, которую она ломала, была много занимательнее, чем могла себе представить в самых ужасных ночных кошмарах. Мадам де Ламбаль отправила своего метрдотеля в качестве посланника, а я – своего кучера. При виде этого бесстыдства все придворные дамы, как и положено, покинули часовню. Эта Дюбарри слушала мессу в одиночестве, находясь в нескольких шагах от Короля, который не мог ничего поделать.

Коль скоро честь быть представленной позволяет нашей Агнессе Пумпон⁹⁹ теперь следовать за Королем даже в гардероб, могу поспорить, что вскоре Марли, Шуази, Фонтенбло и Компьень опустеют. Но может случиться и так, что, взяв в любовницы шлюху, дочь служанки и грешного монаха, наш монарх намерен править теперь только лакеями, прислугой и сбродом. Вам бы следовало, дорогой братец, направить на

⁹⁹ Оскорбительное прозвище, напоминавшее о том, что в прошлом Жанна работала продавщицей у Лабилля, и о неумном пристрастии к туалетам и безделушкам.

ближайшее заседание Совета в качестве своего достойного представителя того форейтора, которого вы прогнали в прошлом месяце за то, что он за один год сумел обрюхатить двух служанок: разве такой человек не достоин быть среди близких советников нашего любимого монарха?

Посылаю вам выражение своей самой нежной любви.

10 мая 1769 года

(от Императрицы, Мерси-Аржанто)

Месье,

Ваша проза больше похожа не на отчеты посла, а скорее на сочинения какого-нибудь пасквилянта или кандидата в одну из провинциальных академий. Пожалуйста, меньше блеска и красивых слов, будьте сдержаннее.

Вы забываетесь, мсье, говоря о Короле как об одном из его подданных. Вы забываете также, кому вы пишете, и, естественно, раздражаете монархиню, оскорбляя другого монарха, запомните это.

Низость гетеры никоим образом не сможет повредить Королю, чья дружба, напротив, несколько выделяет ее из других, даже придает ей благородства, а также защищает от сарказма тех людей, что считают себя влиятельными и опасными, но на самом деле существуют только благодаря милости их монарха.

Стоит ли мне напоминать вам, что честь принца, равно

как и его власть, затрагивает самых незначительных из его подданных и является лишь малой толикой того, что ему поручено. Мир в обществе и мощь страны полностью зависят от безграничного уважения, какое каждый человек, простого или благородного происхождения, должен постоянно проявлять по отношению к своему владыке.

Но я ничуть не сомневаюсь, мсье, в вашей преданности и отношу вашу дерзость на счет ужасной обстановки фронды, которая царит во Франции и даже в окружении самого Короля: вы пропитались воздухом бесстыдства всего этого философского смрада. Я прошу вас встряхнуться и сообщать мне с точностью, без всяких эмоций обо всем, что будет происходить на ваших глазах при французском Дворе: это – ваша единственная, но важная задача.

Но давайте перейдем к насущным делам: посылаю вам миниатюру с портретом эрцгерцогини¹⁰⁰ в охотничьем наряде. Его нарисовала эрц-герцогиня Кристина¹⁰¹. Обе мои дочери, одна позируя, а другая рисуя и раскрашивая, хотели сделать Дофину приятное и польстить его пристрастию к охоте. Этот маленький рисунок гуашью получился довольно удачным, и Антуанетта изображена достаточно точно, по меньшей мере лицо. Но предупредите Дофина, что эрцгерцогиня не ездит верхом и принимает участие в охоте только в кабриолете или, как здесь, только условно.

¹⁰⁰ ¹ Речь идет, очевидно, о Марии Антуанетте.

¹⁰¹ Ее старшая сестра.

26 мая 1769 года

(от графа де Мерси-Аржанто, императрице Марии Терезии)

Ваше Величество,

Я тщательно обдумал ваши мудрые упреки и прошу вас быть уверенными: я неукоснительно выполню все, что вы ждете от вашего посла, остерегаясь вмешиваться в интриги, которыми гудит осиное гнездо в Версале.

Позволю себе все же сообщить, что вчера Король пожелал в очередной раз соединить карпа и крольчатину и пригласил некоторых дам в Бельвиль на ужин в компании с мадам Дюбарри. Он не забыл пригласить также и Министра, к которому присоединились несколько господ менее высокопоставленных, подобно тому, как вино разбавляют водой. С наступлением темноты там появилась графиня, сопровождаемая, чтобы не идти одной, своим племянником, юным Адольфом Дюбарри. Прибывшие заранее по приказу Короля супруга маршала де Мирпуа и мадам де Флавакур стояли на террасе, чтобы встретить блистательную особу. Тогда Министр пришел без эскорта в полной тишине и расположился на другой стороне террасы. Враги простояли так одну или две минуты, в течение которых дамы делали вид, что рады встрече, а Министр наслаждался одиночеством, словно Моисей перед неопалимой купиной. Затем появились мужчины, ко-

которые по замыслу Короля должны были слегка скрасить досаду Министра и присоединиться к эскадрону дам. Но вместо этого два непримиримых войска продолжали удерживать свои позиции, а когда начались боевые действия, дамы посылали залпы презрительных взглядов и наглых смешков, а Шуазель и его команда ограничились тем, что повернулись к противнику спиной, стараясь уничтожить врага этим проявлением презрения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.